

Михаил Булгаков в годы Гражданской войны

Борис Вадимович Соколов

Из книги «Тайны Булгакова»

Прежде чем обратиться к судьбе Булгакова в период Гражданской войны, сделаем небольшой экскурс в то, что же происходило в любимом писателем Киеве, начиная с Февральской революции и кончая завершением Гражданской войны. Эти события отражены в булгаковском фельетоне «Киев-город», опубликованном в берлинской эмигрантской газете «Накануне» 6 июля 1923 года, как раз в период работы над «Белой гвардией». Материалами для фельетона послужили воспоминания Булгакова о событиях 1917–1919 годов и впечатления от поездки в Киев по командировке от газеты «Накануне» в период с 21 апреля по 10 мая 1923 года. Булгаков утверждал: «По счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил». Первым переворотом писатель считал Февральскую революцию, а последними двумя – занятие города войсками Польши и Украинской Народной Республики 7 мая 1920 года и вступление в город Красной Армии 12 июня того же года после прорыва польского фронта конницей Буденного. Под 14 переворотами в Киеве Булгаков имеет в виду следующее: 1) Февральская революция 1917 года; 2) взятие власти в городе украинской Центральной радой (Центральным Советом) в конце октября – начале ноября 1917 года, когда восстание, начатое против власти Временного правительства большевиками и некоторыми поддержавшими их армейскими частями и рабочими, а также евреями-ремесленниками из предместий, было подавлено войсками, верными Центральной раде, объявившей себя верховной властью на Украине после падения правительства Керенского в Петрограде; 3) захват Киева частями Красной гвардии, вытеснившими из города войска Центральной рады 26 января 1918 года; 4) возвращение в город Центральной рады при поддержке австро-германских войск 1 марта 1918 года; 5) свержение правительства Центральной рады германскими войсками и провозглашение на созванном в киевском цирке 29 апреля 1918 года Съезде хлеборобов гетманом Украины Павла Петровича Скоропадского, бывшего генерал-лейтенанта царской службы и бывшего командующего войсками Центральной рады; 6) свержение гетмана Скоропадского и взятие Киева 14 декабря 1918 года войсками Украинской Народной Республики под командованием головного атамана и руководителя Украинской Директории (правительственного органа) Симона Васильевича Петлюры; 7) занятие Киева войсками Красной Армии 5 февраля 1919 года (украинские войска оставили город накануне, 3 февраля, так что никаких боев за город не было); 8) вступление в Киев утром 31 августа 1919 года войск Украинской Народной Республики (красные оставили город 30 августа); 9) вступление в город войск белой Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина (войсками, занявшими Киев, командовал генерал Н.Э. Бредов) и отступление из Киева украинских войск во второй половине дня 31 августа 1919 года; 10) взятие города Красной Армией 14 октября 1919 года; 11) отступление из Киева красных 16 октября 1919 года и возвращение в город добровольческих войск; 12) занятие Киева красными 14 декабря 1919 года; 13) вступление в город украинских и польских войск 7 мая 1920 года; 14) занятие Киева Красной Армией 12 июня 1920 года. Если 1-м явлением «киевской драмы» считать «беспечальное» дореволюционное состояние города, то захват города поляками и петлюровцами 7 мая 1920 года действительно будет, как это и указано в фельетоне, последним, 15-м явлением перед установлением современного состояния (*Status praesens*) Киева, оказавшегося в конце концов под властью большевиков. Булгаков отсутствовал в городе только во время четырех переворотов – осенью 1917 года, когда работал земским врачом в городской больнице Вязьмы; 14 декабря 1919 года, когда вместе с Белой армией находился на Северном Кавказе; там он оставался и в 1920 году уже при советской власти, так что два последних киевских переворота, 7 мая и 12 июня, прошли без него.

Первый раз после начала революционных потрясений Булгаков приехал в Киев вскоре после того, как 2 марта 1917 года в Киев поступила телеграмма депутата Государственной думы от фракции прогрессистов А.А. Бубликова об отречении от престола Николая II. Эта телеграмма в булгаковском фельетоне выступает как знак окончания прежних беспечальных времен. Интересно, что Бубликов был не только железнодорожным инженером, но и членом масонской организации, а к масонству Булгаков питал пристальный интерес. Писатель наблюдал начавшиеся революционные события в городе и 7 марта забрал в канцелярии университета свой диплом с отличием и прочие документы. В феврале 1918 г. он вернулся в Киев в первые дни восстановления советской власти и одновременно незадолго до оставления города красными. Так как в 1918 году в Советской России произошла смена юлианского и григорианского календарей (старого и нового стиля), различавшихся в XX веке на 13 дней, то после 31 января старого стиля сразу наступило 14 февраля. Очевидно, Булгаковы вернулись в Киев сразу же после 22 февраля, когда Михаил Афанасьевич получил удостоверение о своей службе в Вяземской земской управе. Как раз 22 февраля 1918 года германские и австро-венгерские войска вошли на Украину в соответствии с договором, заключенным с Центральной радой. Позднее, во второй половине 20-х годов, Булгаков сообщил своему другу философу и филологу Павлу Сергеевичу Попову: «Жил в Киеве с февраля 1918 года по август 1919 года». Учитывая эту датировку и счет киевских переворотов, можно предположить, что в конце августа 1919 г. Булгаков как врач был мобилизован красными и ушел из Киева. Факт мобилизации автобиографического главного героя в Красную Армию зафиксирован в рассказе «Необыкновенные приключения доктора», о чем мы подробнее скажем далее.

Первая жена Михаила Афанасьевича Татьяна Николаевна Лаппа вспоминала, как они возвращались в Киев из Вязьмы, где Булгаков служил врачом городской больницы: «В начале 18-го года он освободился от земской службы, мы поехали в Киев – через Москву. Оставили вещи, пообедали в «Праге» и сразу поехали на вокзал, потому что последний поезд из Москвы уходил в Киев, потом уже нельзя было бы выехать. Мы ехали потому, что не было выхода – в Москве остаться было негде... В Киев при нас вошли немцы».

Не исключено, что Булгаков застал если не сам красный террор, последовавший за занятием города советскими войсками, то, по крайней мере, живые воспоминания киевлян об этих событиях. Ведь сам он приехал в Киев почти что по следам обозов красных.

Вот как о взятии Киева красными зимой 1918 года пишет украинский историк Ярослав Тимченко: «9 февраля (26 января по ст. ст. – **Б.С.**) после девятидневного обстрела Киева из крупнокалиберных пушек со стороны Дарницы армия Муравьева ворвалась в город с лозунгом «Смерть украинцам и буржуям!». Только в первые три дня тогдашние «защитники отчизны» уничтожили от 6 до 12 тыс. человек.

– Я приехал в Киев как раз тогда, когда он был взят, – вспоминал украинский большевик Владимир Затонский. – Страшное, кошмарное зрелище... Мы вошли в город: трупы, трупы и кровь. Тогда расстреливали всех. Просто на улицах. Я сам едва не погиб: среди бела дня меня один из наших патрулей остановил. Я ему показал свидетельство члена Украинского правительства, написанное на языке украинском, с печатью Всеукраинской Центральной рады, крестьянских и красноармейских депутатов рабочих. На месте, наверное, расстреляли бы, – тогда же это прямо на улице делали, – если бы, к счастью, во втором кармане не было второго мандата – члена Совнаркома РСФСР за подписью Ильича». Тогда в Киеве было убито, по неполным данным, 2587 человек.

Годы Гражданской войны в булгаковской биографии характеризуются, наверное, наибольшим числом душевных потрясений, связанных с событиями братоубийственной борьбы. Только,

разумеется, об ужасах красного террора, увиденных в Киеве, Булгаков не мог прямо писать не только в своих художественных произведениях, но даже и в письмах родным, ведь они могли попасть в ненадежные руки. Также Булгаков отнюдь не был заинтересован в том, чтобы привлекать чье-либо внимание к своей службе в разного рода антисоветских формированиях, будь то офицерско-юнкерский добровольческий отряд, собиравшийся защищать гетмана Скоропадского от украинских войск Петлюры, или в Вооруженных силах Юга России генерала Деникина. Не случайно период Гражданской войны – наименее документированный отрезок жизненного пути писателя. Ведь ему было что скрывать, и даже свою первую публикацию – фельетон «Грядущие перспективы» – Булгаков не рискнул сохранить, поскольку он появился в ноябре 1919 года в Грозном, занятом в тот момент деникинской армией, и был по своему содержанию резко антисоветским, что вполне отражало чувства Михаила Афанасьевича. Поэтому биографу приходится становиться здесь на зыбкую почву реконструкций, черпать сведения из единственного документа, сохранившегося от пребывания Булгакова в Киеве в 1918–1919 годах, – это рецепт, выписанный им 5 января 1919 года Н.Н. Судзиловскому племяннику Л.С. Карума – мужа булгаковской сестры Вари (и прототипа Тальберга в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных» – о нем мы подробнее скажем ниже) и прототипу Лариосика Суржанского в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». О Судзиловском-Лариосике мы тоже еще поговорим.

Телеграмма депутата Государственной думы АА. Бубликова об отречении Николая II от престола положила начало революционным событиям в Киеве. В 1923 году писатель уже твердо считал Февральскую революцию началом всех последующих бедствий. В «Киев-городе» он писал о ней так: «Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история. Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 часов утра 2-го марта 1917 года, когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами: «Депутат Бубликов».

Ни один человек в Киеве, за это я ручаюсь, не знал, что должны были обозначать эти таинственные 15 букв, но знаю одно, ими история подала Киеву сигнал к началу. И началось и продолжалось в течение четырех лет».

2 марта был сформирован Исполнительный комитет объединенных общественных организаций, стоявший на позициях поддержки петроградского Временного правительства. Здесь преобладали кадеты. 3 марта возник городской совет рабочих, а 5 марта – военных депутатов. 4 марта партии и организации украинской национальной ориентации образовали Центральную раду (Центральный совет). Как раз в эти дни Булгаков был в Киеве: он приезжал за университетским дипломом.

Следующий переворот случился в Киеве в конце октября – начале ноября 1917 года. После свержения Временного правительства в Петрограде власть в столице Украины взяла Центральная рада (орган, представлявший население Украины), причем в ходе восстания преданные ей «украинизированные» войсковые части сражались с киевскими юнкерами, сохранившими верность Керенскому, и с частью рабочих, выступавших на стороне большевиков. В этих боях участвовал младший брат Булгакова Николай, юнкер Киевского военно-инженерного училища. События тех памятных дней отразились в булгаковском рассказе «Дань восхищения», опубликованном в одной из кавказских газет в феврале 1920 года, и в романе «Белая гвардия». Однако самого Михаила в Киеве в тот момент точно не было, он вместе с женой оставался в Вязьме. Рассказ он писал со слов очевидцев – матери и брата Николая.

К Центральной раде, к гетману Скоропадскому и к пришедшей ему на смену Украинской Народной Республике во главе с Симоном Петлюрой Булгаков до конца жизни сохранил сугубо отрицательное отношение. Избрание Центральной рады в апреле 1917 года и ее последующие действия он иронически охарактеризовал в «Белой гвардии»: «Когда же к концу знаменитого года в городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский».

Третья смена власти в Киеве произошла, как мы уже упоминали, 26 января 1918 года, когда Красная Армия вытеснила войска Центральной рады из города. Это стало следствием скоротечной украинско-российской войны. Еще до ее начала Центральная рада своим Третьим универсалом провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР) как части федеративной Российской Республики. Одновременно ликвидировалась частная собственность на землю, помещичьи земли передавались крестьянам, вводился 8-часовой рабочий день, а евреям и полякам гарантировалась национально-территориальная автономия. После того как 4 декабря Совнарком предъявил Центральной раде невыполнимый ультиматум и начались боевые действия, в Киеве был взят курс на полную независимость. 9 января 1918 года, в день созыва Украинского учредительного собрания, был провозглашен Четвертый (и последний) универсал Центральной рады, объявлявший полную государственную независимость Украины. Все эти постановления остались только на бумаге. Украинские войска не могли сдерживать натиск красновардейских отрядов, возглавлявшихся левым эсером подполковником М.А. Муравьевым. Положение усугубилось тем, что секретарь (министр) рады по военным делам С.В. Петлюра, единственный политический деятель, пользовавшийся популярностью в только еще рождающейся украинской армии, из-за разногласий с другими руководителями рады в конце декабря вышел в отставку и сформировал Гайдамацкий кош (полк) Слободской Украины, во главе которого в январе подавил пробольшевицкое восстание рабочих завода «Арсенал», но удержать Киев все равно не смог. Большая часть украинских полков и дивизий были украинскими только по названию. Они либо расходились по домам, либо отказывались сражаться против красных.

По этому поводу Булгаков заметил в «Белой гвардии»: «Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве».

Вообще Центральная рада мало чем отличалась в лучшую сторону от недавно свергнутого Временного правительства. Это был недееспособный орган, погрязший в дрязгах партий и политиков, не обладающий ясно выраженной единой волей, столь необходимой в чрезвычайных условиях революции и гражданской войны. Но тут следует отметить, что теми же чертами обладали и другие украинские органы власти: гетманщина, Директория и даже советское правительство Украины, очень быстро превратившееся в марионетку московского Совнаркома и оказавшееся не в состоянии справиться с местными «батьками» и атаманами. Что ж, вполне оправдалась поговорка: «Где два украинца, там три гетмана».

Новый переворот не заставил себя долго ждать. Правительство бывшей Центральной рады, представленное в основном партиями социалистической ориентации и выступавшее за радикальные аграрные преобразования, не устраивало Германию и Австро-Венгрию, рассчитывавших получить с Украины практически задаром продовольствие для своего голодающего в условиях антантовской блокады населения.

Германское и австро-венгерское командование преследовало одну цель – обеспечить из Украины регулярные поставки сельскохозяйственной продукции в голодающие Германию и Австро-Венгрию. 6 апреля командующий германскими войсками на Украине фельдмаршал Герман фон Эйхгорн издал приказ, в котором требовал организованно провести посевную кампанию. При этом подчеркивалось, что урожай будет принадлежать тем, кто засеет площади. Крестьяне, не засеявшие хотя бы часть своих земель, будут наказаны. Кроме того, крестьяне должны были помогать в обработке помещичьих земель. Приказ фельдмаршала вызывал недовольство Центральной рады. Украинский МИД заявил по поводу приказа Эйхгорна официальный протест Германии, а Министерство земельных дел оповестило крестьян, что злополучный приказ выполнять не следует. Министерство же юстиции своим распоряжением объявило, что немецко-австрийские войска не имеют права казнить и подвергать заключению украинских граждан по приговорам своих полевых судов, поскольку в Украине существуют собственные гражданские и военные суды.

После этого судьба Центральной рады была решена. Поводом к перевороту послужил арест по приказу Рады киевского банкира Юрия Доброго, члена финансовой комиссии на переговорах с немцами, обвиненного в ряде финансовых преступлений. В ответ немецкие войска арестовали несколько министров (секретарей) Центральной рады. При поддержке оккупационных властей 29 апреля 1918 года в городском цирке на «съезде хлеборобов», состоявшем почти исключительно из крупных землевладельцев, гетманом Украины был избран потомок украинского гетмана XVIII века Павел Петрович Скоропадский, генерал-лейтенант царской службы, ранее возглавлявший 1-й Украинский корпус Центральной рады и ушедший в отставку одновременно с Петлюрой. Он был готов безропотно исполнять все распоряжения немцев и австрийцев и вообще не имел сколько-нибудь отчетливой политической программы. Наверное, Павел Петрович был неплохим командиром дивизии и корпуса, но вот политиком оказался никаким и не пользовался популярностью среди населения Украины. Даже русские офицеры, которых немало скопилось в Киеве, где они надеялись под сенью германо-австрийских штыков найти защиту от Красной Армии, гетмана не любили. Раздражение вызывали комедия с украинизацией армии и Украинской Державы, нежелание хоть в чем-то спорить с немцами, а также нежелание воевать с большевиками. Поддерживали гетмана только его сослуживцы по кавалергардскому полку, составившие костяк гетманского конвоя, а также украинские помещики, сформировавшие Полтавский конный партизанский отряд, который позднее слился с гетманским конвоем.

Избрание гетмана Булгаков в «Белой гвардии» прокомментировал с нескрываемой иронией: «В апреле восемнадцатого, на Пасхе, в цирке весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом. Тальберг стоял на сцене веселой, боевой колонной и вел счет рук – шароварам крышка, будет Украина, но Украина «гетьманская», – выбирали «гетьмана всея Украины»... по какой-то странной насмешке судьбы и истории, избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке. Будущим историкам это, вероятно, даст обильный материал для юмора».

Скоропадский провозгласил создание «Украинской Державы», находившейся в полной зависимости от поддержки Центральных держав. СВ. Петлюра сразу по возвращении в Киев из-за неприятия австро-германской оккупации вышел в отставку и возглавил Всеукраинский земский союз. Он резко критиковал политику гетмана, восстановившего помещичье землевладение и 12-часовой рабочий день и преследовавшего демократические организации. В начале июля Петлюра был арестован. Его выпустили из Лукьяновской тюрьмы 12 ноября, по требованию социалистов, вошедших в коалиционное правительство гетмана, в самый канун большого антигетманского восстания. Все эти события Булгаков довольно точно описал в «Белой гвардии».

Его возглавили бывшие руководители Центральной рады – С.В. Петлюра и писатель В.К. Винниченко, лидеры разных фракций украинских социал-демократов. 14 ноября они образовали Украинскую Директорию (третий руководитель Центральной рады, историк М.С. Грушевский, в нее не вошел), причем Петлюра стал главой армии Директории (головным атаманом), а Винниченко – главой правительства.

К личности Петлюры Булгаков относился сугубо отрицательно и с иронией писал о нем в фельетоне «Киев-город»: «Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Семен Васильевич Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли». Он считал вождя украинского национального движения фигурой несерьезной, во многом мифической: «... В городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника... Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование – Семен Васильевич Петлюра. Сам он себя, а также городские газеты периода декабря 1918 – февраля 1919 годов называли на французский манер – Симон. Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак... Не было! Не было этого Симона вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни земского союза... ни черта. Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года».

Кто же такой в действительности был Петлюра? Симон Васильевич Петлюра родился в 1879 году в Полтаве, в семье извозчика. Учился в духовной семинарии, потом в Харьковском университете, а закончил образование во Львовском университете в австрийской Галиции. Петлюра был одним из лидеров Украинской социал-демократической партии. В годы Первой мировой войны он состоял председателем Главной контрольной комиссии Земского союза по Западному фронту, а после Февральской революции 1917 года – председателем Украинского фронтового комитета. Осенью 1917 года Петлюра стал секретарем (министром) Центральной рады по военным делам, в конце 1917 – начале 1918 года он также был командующим войсками Центральной рады, но ушел с этого поста незадолго до занятия Киева советскими войсками. После возвращения в Киев Центральной рады вместе с австро-германскими войсками в марте 1918 года Петлюра вышел в отставку и на первом киевском губернском земском собрании был избран председателем киевской земской управы, а впоследствии – председателем управы Всеукраинского земского союза. 11 августа 1918 года Петлюра был арестован по распоряжению правительства гетмана Скоропадского. В начале ноября 1918 года гетман освободил Петлюру из заключения. В тот момент Скоропадский, осознавший, что в связи с начавшейся в Германии революцией немцы с Украины уйдут, лихорадочно искал поддержки со стороны деятелей любых политических направлений, вплоть до большевиков, и наивно рассчитывал привлечь Петлюру на свою сторону. 14 ноября 1918 года в Белой Церкви Петлюра обнародовал воззвание о восстании против Скоропадского и вместе с писателем Владимиром Винниченко создал Директорию Украинской Народной Республики – коллективный правительственный орган из представителей оппозиционных режиму гетмана партий. Директорией Петлюра был провозглашен головным атаманом – главнокомандующим войсками Директории, которые 14 декабря 1918 года взяли Киев.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 года и поражения, нанесенного Красной Армией украинским войскам в ноябре 1920 года, Петлюра эмигрировал в Польшу, а впоследствии во Францию. Публиковал статьи в украинских изданиях за пределами СССР. Публицистикой фактически и ограничивалась его политическая деятельность. Тем не менее 25 мая 1926 года Симон Васильевич был убит еврейским поэтом и анархистом Самюэлем Шварцбардом, часовым мастером по основной специальности и бывшим бойцом бригады

Григория Котовского. Он мстил за еврейские погромы, проводившиеся украинскими войсками. В октябре 1927 года убийца Петлюры был оправдан французским судом присяжных.

Булгаков, будучи противником отделения Украины от России, негативно относился к деятельности и личности Петлюры. В романе он, среди прочего, именуется «земгусаром» – презрительная кличка, которой фронтовые офицеры называли сотрудников Союза земств и городов, работавших в тылу по снабжению войск. Вероятно, писатель был знаком с очерком А. Павловича «Петлюра», появившимся в апреле 1919 года в ростовском журнале «Донская волна». Его автор говорит о неясности прошлого своего героя: «...Воспитывался, если не ошибаюсь, в семинарии или вообще в каком-то духовном учебном заведении, затем учился в Харьковском университете и закончил образование, кажется, в Австрии». Павлович передает и широко распространившиеся противоречащие друг другу слухи о нем.: «Петлюра поднял восстание против гетмана!» – «Петлюра – мятежник! Петлюра – большевик!» – «Петлюра в Полтаве, Петлюра в Киеве, Петлюра в Фастове». – «Везде он воодушевляет войска, везде он произносит речи. И между тем никто не видит и не знает Петлюру... Петлюра нечто мифическое». Автор очерка признавал, что если настроение петлюровского войска «все же стало клониться к большевизму – то сдержать этого явления Петлюра при всем желании не мог». Вместе с тем Павлович относился к главному атаману, который тогда, весной 1919 года, еще не был повержен, с уважением и без антипатии, считая Симона Васильевича «умным человеком» и «честным революционером», не повинным, в частности, в еврейских погромах, творимых его солдатами, которых Петлюра был не в состоянии обуздать, хотя и расстрелял впоследствии атамана Семесенко, организатора нашумевшего погрома в Проскурове в феврале 1919 года, вскоре после оставления войсками УНР Киева. Тогда евреев убивали исключительно холодным оружием, чтобы не тратить дефицитных патронов. Вместе с тем надо признать, что еврейские погромы на Украине и вообще в «черте оседлости» творили военнослужащие всех противоборствующих армий.

Точно таким же образом Булгаков в «Белой гвардии» говорит о непроясненности прошлого главного атамана и приходит к одинаковому с Павловичем выводу: «Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете... Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года». Подобно автору очерка в «Донской волне», Булгаков перечисляет противоречивые слухи о местонахождении и внешности главы Директории: «Петлюра во дворце принимает французских послов с Одессы... Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза... Петлюра имеет резиденцию в Билой Церкви. Теперь Била Церковь будет столицей... Он в Виннице... Петлюра в Харькове... Петлюра в Бельгии...» Петлюра здесь наделен сходством с дьяволом, у которого по традиции неопределимая внешность и способность одновременно находиться в разных удаленных друг от друга местах. Булгаков, в отличие от Павловича, совсем не считал Петлюру умным человеком и честным революционером, вдоволь насмотревшись на плоды его деятельности. В окончании «Белой гвардии», не опубликованном в свое время из-за закрытия журнала «Россия», Петлюра в сне Алексея Турбина уподоблялся нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов: «Петурра!.. Петурра... Петурра... храпит Алексей... Но Петурры уже не будет... Не будет, конечно. Вероятно где-то в небе петухи уже поют, предутренние, а значит, вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок в даях за Лысой Горой (место шабаша ведьм под Киевом, согласно славянской мифологии. – **Б.С.**) и более не вернется. Кончено». Связь Петлюры с потусторонним миром подчеркивается в булгаковском романе и номером камеры, из которой его освободили, что навлекло несчастье на город. Номер этот – 666, «число Зверя», связанное в Апокалипсисе с антихристом. Здесь лидер украинского национального движения уподоблен даже не просто мифу, а нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов (позднее в «Мастере и Маргарите» вот так же исчезают Гелла и Варенуха, оставляя в покое несчастного Римского).

Не получив поддержки со стороны Англии и Франции, Петлюра, в отличие от Юзефа Пилсудского в Польше, так и не смог выполнить миссию общенационального лидера – создателя жизнеспособного Украинского государства. Пилсудскому еще в годы Первой мировой войны удалось создать три бригады польских легионов в составе австрийской армии, так что после окончания Первой мировой войны Польское государство имело под рукой достаточно многочисленную и боеспособную армию. Украинские же легионы австрийской армии были немногочисленны, втрое уступая польским легионам. Кроме того, в отличие от польских легионеров, украинские легионеры не имели самостоятельных бригад, а побатальонно включались в обычные австрийские бригады и дивизии. В тот момент, когда происходило действие булгаковского романа, украинские легионеры как раз изнемогали в боях с польской армией в Восточной Галиции. В Киеве же Петлюра боеспособных украинских войск почти не имел. Формально украинизировавшиеся соединения русского Юго-Западного фронта были украинскими только по названию, воевать ни с кем не желали и расходились по домам. Из тех легионеров, что оказались в русском плену, Евгений Коновалец как раз и создал наиболее боеспособную часть украинской армии, – батальон, а потом полк сечевых стрельцов, но это была капля в море. На судьбе украинской государственности самым негативным образом сказалось и то, что Петлюра не обладал ни военным опытом, ни военным талантом Пилсудского.

Собственно украинская культура, в отличие от польской, до 1917 года существовала лишь несколько десятилетий, причем и общегосударственная украинская идея не смогла получить необходимой поддержки у населения. Большинство крестьян объединялись в отряды или даже просто уголовные банды, преследовавшие лишь местные интересы и часто в равной мере враждебные всем – и белым, и красным, и немцам, и полякам, а часто – и самому Петлюре. Булгаков понимал, что миф Петлюры подкрепляла крестьянская ненависть к помещикам, офицерам и поддерживавшим их германским оккупантам.

Петлюра был единственным из украинских политиков, кто обладал хоть какой-то харизмой и пользовался популярностью среди масс украинского населения. В то же время он вызывал столь же сильную ненависть среди русского населения Украины, выступавшего против ее независимости, а также со стороны пробольшевистски и анархистски настроенной части украинского населения. В «Киев-городе» Булгаков подчеркнул, что надежды на возвращение Петлюры, которые все еще питает часть украинцев, тщетны: «... За что молятся автокефальные (священники Украинской автокефальной православной церкви. – **Б.С.**) – я не знаю. Но подозреваю. Если же догадка моя справедлива, могу им посоветовать не тратить сил. Молитвы не дойдут. Бухгалтеру в Киеве не бывать».

Не получив поддержки со стороны Англии и Франции, СВ. Петлюра, в отличие от польского национального лидера Юзефа Пилсудского в Польше, так и не смог выполнить миссию общенационального лидера – создателя жизнеспособного Украинского государства. Булгаков воочию видел плоды усилий «честного революционера». Он понимал, что миф Петлюры подкрепляла крестьянская ненависть к помещикам, офицерам и поддерживавшим их германским оккупантам. В то же время автор «Белой гвардии» признавал, что петлюровские войска легко склонялись к большевизму, и в булгаковском романе такая «оборачиваемость» украинских солдат подчеркивается не только красным цветом шлыков их папах (такие шлыки петлюровцы действительно носили), но и тем, что Алексей Турбин в финале видит во сне среди большевиков тех самых петлюровцев, которые преследовали его на Мало-Провальной и чуть не убили в день падения гетмана.

Точно так же и парад петлюровцев в Киеве в «Белой гвардии» представлен как некое наваждение, которому скоро суждено исчезнуть: «То не серая туча со змеиным брюхом

разливается по городу, то не бурные, мутные реки текут по старым улицам – то сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад. Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами синяя дивизия. В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синим верхом шли галичане. Два двуцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое сукно».

Не случайно колонны петлюровцев сравниваются с тучей, змеей и мутными реками.

К другому лидеру Директории, писателю Владимиру Винниченко, Булгаков относился столь же иронически, как и к Петлюре, что отразилось в его характеристике в «Белой гвардии»: «Затем появился писатель Винниченко, прославивший себя двумя вещами – своими романами и тем, что лишь только колдовская волна еще в начале восемнадцатого года выдернула его на поверхность отчаянного украинского моря, его в сатирических журналах города Санкт-Петербурга, не медля ни секунды, назвали изменником».

Иронизировал Булгаков в «Киев-городе» и над украинским языком, который стремились ввести на Украине в качестве государственного Петлюра и Винниченко и который сохранялся в качестве преобладающего и в 20-е годы уже на Советской Украине: «Это киевские вывески. Что на них только написано, уму непостижимо. Оговариваюсь раз и навсегда: я с уважением отношусь ко всем языкам и наречиям, но тем не менее киевские вывески необходимо переписать. Нельзя же, в самом деле, отбить в слове «гомеопатическая» букву «я» и думать, что благодаря этому аптека превратится из русской в украинскую. Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: «голярня», «перукарня», «цирульна» или просто-напросто «парикмахерская». Мне кажется, что из четырех слов – «молошна», «молочна», «молочарня» и «Молошная» – самым подходящим будет пятое – молочная. Ежели я заблуждаюсь в этом случае, то в основном я все-таки прав – можно установить единообразие. По-украински, так по-украински. Но правильно и всюду одинаково». На самом деле вся киевская интеллигенция и многие горожане говорили на русском языке. Украинский просторечный говор, но с большими вкраплениями русских слов, преобладал только на киевских окраинах. Поэтому основная часть киевского населения, и особенно беженцы из России, за счет которых численность горожан увеличилась с 400 до 700 тыс. человек, воспринимала украинизацию весьма болезненно. И особое раздражение вызывало введение украинского языка гетманом Скоропадским, который сам спешно начал учить украинский только после большевистского переворота.

Тем любопытнее, что сходные с булгаковскими мысли о развитии украинского языка и его соотношения с русским, равно как и о перспективах украинской государственности высказывал не кто иной как... сам гетман Скоропадский. В мемуарах, написанных в эмиграции по горячим следам событий, Павел Петрович утверждал: «Великороссы совершенно не признают украинского языка, они говорят: «Вот язык, на котором говорят в деревне крестьяне, мы понимаем, а литературного украинского языка нет. Это – галицийское наречие, которое нам не нужно, оно безобразно, это набор немецких, французских и польских слов, приносивших к украинскому языку». Бесспорно, что некоторые галичане говорят и пишут на своем языке; безусловно верно, что в некоторых министерствах было много этих галичан, которые досаждали публике своим наречием, но верно и то, что литературный украинский язык существует, хотя в некоторых специальных вопросах он и не развит. Я вполне согласен, что, например, в судопроизводстве, где требуется точность, этот язык нуждается в еще большем развитии, но это частности. Вообще же это возмутительно-презрительное отношение к украинскому языку

основано исключительно на невежестве, на полном незнании и нежелании знать украинскую литературу.

Великороссы говорят: «Никакой Украины не будет», а я говорю: «Что бы то ни было, Украина в той или иной форме будет. Не заставишь реку идти вспять, так же и с народом, его не заставишь отказаться от его идеалов. Теперь мы живем во времена, когда одними штыками ничего не сделаешь». Великороссы никак этого понять не хотели и говорили:

«Все это оперетка», – и довели до Директории с шовинистическим украинством со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным поведением, насаждением украинского языка и, вдобавок ко всему этому, с крайними социальными лозунгами. Только кучка людей из великороссов искренне признавала федерацию».

Булгаков тоже готов был согласиться лишь на федерацию Украины с Россией, при условии, что они останутся в составе единого государства, в данном случае – СССР. Гетман же федерацию мыслил только с будущей небольшевистской Россией. И, между прочим, «пошлой опереткой» в «Белой гвардии» называет Тальберг и Центральную раду, и гетманское правление. Гетман наверняка читал «Белую гвардию» и, вполне возможно, оттуда позаимствовал слово «оперетка» применительно к Директории, хотя свои собственные начинания Павел Петрович наверняка не считал. Вообще же с опереткой попытки возрождения украинского языка и государственности называли потому, что русская образованная публика традиционно связывала украинское с оперетками и операми, вроде «Запорожца за Дунаем» украинского певца и композитора Семена Степановича Гулака-Артемовского, впервые поставленного в Мариинском театре в 1863 году, где главную мужскую партию Караса исполнил сам Гулак-Артемовский. Не случайно одного из героев «Белой гвардии» – офицера-артиллериста, а в прошлом студента Степанова шутливо зовут Карасем, хотя на запорожца-подкаблучника, в отличие от героя оперы, он совсем не похож. Оперу Гулак-Артемовского вполне можно было бы назвать и опереттой, поскольку это комическая опера, и грань, отделяющая ее от собственно оперетты, достаточно условна. Правда, впоследствии выяснилось, что музыка «Запорожца за Дунаем» заимствована из оперы Моцарта «Похищение из сераля», но популярности оперы у украинской и русской публики это не слишком повредило.

К моменту Антигетманского восстания в распоряжении Скоропадского под ружьем находилось около 65 тысяч штыков. Но немногие боеспособные части гетманских войск (Запорожская и Серожупанная дивизии, Черноморский кош и Сечевой отряд) вскоре перешли на сторону Директории, которую возглавляли Петлюра и Винниченко. На сторону Украинской Народной Республики перешел также Подольский кадровый корпус, передавший петлюровцам большие склады вооружения и одежды. Армию Петлюры поддерживали многочисленные отряды крестьян-повстанцев, имевшие слабое представление о воинской дисциплине, фактически не контролировавшиеся вождями восстания и проявлявшие особую жестокость по отношению к помещикам и евреям. Вспомним, как у Булгакова в романе «показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь-еврей». На стороне Скоропадского оставались лишь небольшие по численности кадры украинской армии, Офицерские дружины, Сердюкская дивизия, в конце концов также присоединившаяся к петлюровцам, да Инструкторская офицерская школа.

Украинская Директория 17 ноября заключила соглашение с немецким командованием о нейтралитете немецких войск, за что им был обещан беспрепятственный уход с Украины. Украинские войска не должны были занимать Киев до окончания эвакуации немецких войск и не должны были препятствовать продвижению немецких эшелонов по украинским дорогам. Гетману же был предъявлен ультиматум о капитуляции. 18 ноября под Киевом, у станции

Мотивиловка, галицийцами-сечевиками была разбита 1-я Офицерская дружина, высланная гетманом против Петлюры. Находившийся при дружине дивизион Лубенского Сердюковского конно-казацкого полка во главе со своим командиром ротмистром Генштаба Юрием Отмарштейном перешел на сторону повстанцев. 20 ноября газета «Киевская мысль» сообщала: «Освобожденный недавно из тюрьмы по приказу гетмана Петлюры... поднял на Украине восстание против законной власти. С этой целью он занял города Белая Церковь и Бердичев и двинулся с приставшими к его отрядам бандами большевистской черни на Фастов и Киев». Правительство Скоропадского, которое на Украине практически никто не поддерживал, лихорадочно заметалось, пытаясь достичь соглашения с кем угодно: с немцами, Антантой, большевиками, Директорией или, наконец, с Добровольческой армией, поскольку в Киеве осело немало офицеров русской армии, сочувствовавших белым.

Как же жил Михаил Булгаков в Киеве в период гетманщины? Вот как описывает жизнь в квартире на Андреевском спуске в 1918–1919 годах Л.С. Карум, не слишком симпатизировавший Михаилу Афанасьевичу еще и до публикации романа «Белая гвардия», после которого они стали лютыми врагами: «В большой булгаковской квартире осталась молодежь (Варвара Михайловна вышла замуж за киевского врача Воскресенского и переехала вместе с младшей дочерью Лелей на квартиру к мужу): Михаил с женой, дочери – Вера, Варвара с мужем, два сына, Николай, только что поступивший на медицинский факультет, и Иван, гимназист 8-го класса. Оставался еще один из племянников, Константин Петрович Булгаков, другой племянник Николай уехал в Японию (их отец, Петр Иванович Булгаков, брат Афанасия Ивановича Булгакова, был священником русской миссии в Токио. – **Б.С.**). Вся молодежь решила, что будет жить коммуной. Наняли кухарку. Каждый должен был вносить в хозяйство свой пай. Хозяйкой коммуны выбрали Варвару... Я встретился с Булгаковым во второй раз. После Октябрьской революции, с закрытием земства, Михаил приехал в Киев и занялся врачебной практикой... Он имел представительную наружность, был высокого роста, широк в плечах, узок в талии. Фигура – что надо, на ней прекрасно сидел бы фрак. Дома он отдыхал. Видно было, что привык к поклонению, пел, читал, музицировал. У него был недурной голос. Ежедневно он пел, аккомпанируя себе на пианино, арию и куплеты Мефистофеля из любимой своей оперы «Фауст», пел арию Дона Базилио из «Севильского цирюльника». Читал и перечитывал Гоголя и Диккенса, особенно восторгаясь «Записками Пиквикского клуба», которые он считал непревзойденным произведением...

Практика врачебная у Булгакова наладилась хорошо. На передней двери на улицу он соорудил таблицу со своей фамилией, написанную им самим масляными красками, с часами своего приема... Булгаков умело обставил это дело, принимая больных вместе с «ассистентом». Для ассистентской работы была приспособлена Тася (Т.Н. Лаппа. – **Б.С.**). Ей был дан больничный халат. После приема Тася выполняла всю грязную работу: мыла посуду, инструменты, выносила ведра и ватные тампоны – одним словом, чистила все, что оставалось в кабинете врача по венерическим болезням.

Иногда вся коммуна делала в складчину вечеринку. Приглашались знакомые, больше молодежь. Но были и пожилые. Михаил был в центре внимания и веселья. Он ставил живые картинки и шарады. Помню одну из таких шарад. Первый слог был «бал». Танцевали. Второй слог «ба». Михаил прочел кусочек из комедии Грибоедова «Горе от ума», где был стих: «Ба, знакомые все лица». Наконец, третий слог «чан». Михаил притащил из кухни чан и стал делать вид, что в нем что-то варит. Наконец, все вместе – Балбачан. Эта фамилия всем киевлянам была хорошо известна. В это время происходила острая борьба Петлюры с гетманом. Балбачан был одним из петлюровских атаманов (в «Белой гвардии» этот атаман выведен как полковник Болботун – объект шуток со стороны жителей Города: «Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе? – Да жена напетлюрила. С самого утра сегодня болботунит...»). Подлинная же фамилия прототипа

была Болбачан – **Б.С.**)... Так коммуна и жила. Каждый в ней работал или учился в своей области. И все было бы относительно спокойно, если бы ночью не случалось странное волнение и шум. Вставала Тася, одевалась, бежала в аптеку. Просыпались сестры, бежали в комнату к Михаилу. Почему? Оказалось, что Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал. К утру он выздоравливал, но чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась. Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой».

Вполне возможно, что состояние наркотического бреда передано в описании болезни Алексея Турбина: «Турбин стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества... Он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то восковые оттенки, и нос его изменился, утончился, и какая-то черта безнадежности вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступавшей... Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал: – «Голым профилем на ежа не сядешь!.. Святая Русь – страна деревянная, нищая и опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя». – «Ах ты! – вскричал во сне Турбин. – Г-гадина, да я тебя». – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».

Хотя, подчеркнем, прямо о морфинизме Алексея Турбина ничего не говорится, и по авторскому замыслу он никак не должен восприниматься читателями как наркоман, хотя после ранения ему и колют морфий в качестве обезболивающего. Вообще Турбин в романе смотрится гораздо симпатичнее, чем, наверное, выглядел Булгаков в глазах окружающих в 1918–1919 годах, особенно тогда, когда употреблял морфий.

Т.Н. Лаппа свидетельствует, что в Киеве Булгаков продолжал употреблять этот коварный наркотик, к которому пристрастился еще будучи земским врачом в селе Никольское Смоленской губернии в 1916 году. Он заразился, когда делал трахеотомию больному дифтерией ребенку, и чтобы справиться с болезненными последствиями прививки, стал прибегать к наркотикам. Татьяна Николаевна вспоминала, что после возвращения в родной город «в первое время ничего не изменилось, – он по-прежнему употреблял морфий, заставлял меня бегать в аптеку, которая находилась на Владимирской улице, у пожарной каланчи. Там уже начали интересоваться, что это доктор так много выписывает морфия. И он, кажется, испугался, но своего не прекратил и стал посылать меня в другие аптеки.

Мать его, конечно же, ничего не знала об этом. И тогда я обратилась к Ивану Павловичу Воскресенскому за помощью. Он посоветовал вводить Михаилу дистиллированную воду. Так я и сделала. Уверена, что Михаил понял, в чем дело, но не подал вида и принял «игру». Постепенно он избавился от этой страшной привычки. И с тех пор никогда больше не только не принимал морфия, но и никогда не говорил об этом». Думается, Булгаков очень болезненно реагировал на то, что позднее в романе Юрия Слезкина «Девушка с гор», о котором мы еще поговорим, врач Алексей Васильевич, прототипом которого послужил Михаил Афанасьевич, показан в прошлом наркоманом.

В последний момент гетман начал формировать добровольческие части из офицеров в безнадежной попытке отразить наступление на Киев армии Директории. В связи с этим Булгакову впервые пришлось принять непосредственное участие в Гражданской войне. В последний день гетманства Скоропадского, 14 декабря, он был то ли мобилизован в армию Скоропадского, то ли, что более вероятно, пошел в офицерские и юнкерские формирования в

качестве военного врача добровольно. Татьяна Николаевна в разное время по-разному вспоминала об этом. Как свидетельствуют мемуаристы, в частности писатель Роман Гуль, гетман действительно издал приказ о мобилизации офицеров еще в ноябре, когда стал ясен скорый крах Германии в результате начавшейся революции, однако откликнулись на эту мобилизацию лишь те, кто реально хотел противостоять Петлюре и питал надежду потом присоединиться к Деникину. Очевидно, среди них был Булгаков, вместе с некоторыми своими друзьями гимназических и студенческих лет.

Т.Н. Лаппа вспоминала: «Пришел Сынгаевский (Николай Сынгаевский, гимназический приятель Булгакова, прототип Мышлаевского в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». – **Б.С.**) и другие Мишины товарищи и вот разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что немцы должны помочь... а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать, кажется. А утром Михаил поехал. Там медпункт был... И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что все кончено и что будет петлюровцы».

Сам Булгаков дважды отразил свое участие в защите города от петлюровцев – в рассказе 1922 года «Необыкновенные приключения доктора» и в романе «Белая гвардия», писавшемся в 1922–1924 годах.

В начале февраля 1919 года под натиском Красной Армии армия Директории оставила Киев без боя. 5 февраля в город вступили красные. Восстание атамана Никифора Григорьева, изменившего Директории и перешедшего со своими войсками к красным, не позволило частям УНР дальше удерживать линию Днепра и вынудило их оставить Киев без боя. Кстати, именно григорьевцы отличались особо крупными и беспощадными еврейскими погромами. Слабость украинской власти проявлялась как в разногласиях между партиями и политиками (к тому времени Директорию покинул Владимир Винниченко), так и в их неспособности установить контроль над различными «батками»-атаманами, с необыкновенной легкостью менявшими политическую ориентацию – украинскую на большевистскую, потом большевистскую – на анархистскую или «зеленую».

При отступлении из Киева украинские власти провели мобилизацию, призвав и Булгакова как военного врача. Михаил Афанасьевич к идее независимой украинской государственности относился, мягко говоря, прохладно и никакого намерения связывать свою судьбу с украинской армией, покинуть родной дом и уходить в неизвестность не имел. К тому же правительство Директории плохо контролировало свое разношерстное воинство, среди которого было немало и чисто уголовных элементов. Начались еврейские погромы, людей на улицах часто убивали без суда. Не забылись и расправы над офицерами в декабре 1918 года. Вот как рассказывается о петлюровской мобилизации в «Необыкновенных приключениях доктора»: «Происходит что-то неопишемое... Новую власть тоже выгнали. Хуже нее ничего на свете не может быть. Слава богу. Слава богу. Слава...»

Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту. Ночью 15° ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие и пушки ехали, и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил».

Т.Н. Лаппа передает этот драматический случай несколько иначе и утверждает, со ссылкой на Михаила, что петлюровцы вслед ему все-таки не стреляли, хотя Булгаков действительно пережил тогда сильное потрясение: «И вот петлюровцы пришли, и через какое-то время его мобилизовали. Однажды прихожу домой – лежит записка: «Приходи туда-то, принеси то-то». Я прихожу – на лошади сидит. Говорит: «Мы уходим сегодня в Слободку – это, знаете, с Подола есть мост в эту Слободку, – приходи завтра, за мостом мы будем», – еще что-то ему принести надо было. На следующий день я прихожу в Слободку, приношу бутерброды, кажется, папиросы, еще что-то. Он говорит: «Сегодня, наверное, драпать будут. Большевики подходят». А они (т. е. петлюровцы. – **Б.С.**) большевиков страшно боялись. Я прихожу домой страшно расстроенная: потому что не знаю, удастся ли ему убежать от петлюровцев или нет. Остались мы с Варькой в квартире одни, братья куда-то ушли. И вот в третьем часу вдруг такие звонки!.. Мы кинулись с Варькой открывать дверь – ну, конечно, он. Почему-то он сильно бежал, дрожал весь, и состояние было ужасное – нервное такое. Его уложили в постель, и он после этого пролежал целую неделю, больной был (как и Алексей Турбин в «Белой гвардии», только у Булгакова болезнь была следствием нервного потрясения, а не ранения. – **Б.С.**). Он потом рассказал, что как-то немножко поотстал, потом еще немножко, за столб, за другой и бросился в переулочек бежать (как герой «Необыкновенных приключений доктора». – **Б.С.**). Так бежал, так сердце колотилось, думал, инфаркт будет. Эту сцену, как убивают человека у моста, он видел, вспоминал».

Характерно, что как приход петлюровцев в город, так и их уход сопровождаются убийством еврея.

В первоначальном наброске «Белой гвардии» – отрывке «В ночь на 3-е число», Булгаков воспринимает уход петлюровцев из Киева как избавление города от нечистой силы, как предвестие его возрождения: «...Бежали серым стадом сечевики. И некому их было удерживать. Бежала и синяя дивизия нестройными толпами, и хвостатые шапки гайдамаков плясали над черной лентой... Осталась позади навеки Слободка с желтыми огнями и ослепительной цепью белых огней освещенный мост. И город прекрасный, город счастливый выплывал навстречу на горах».

Вступление Красной Армии в Киев 5 февраля 1919 года стало седьмой сменой власти в городе, начиная с Февральской революции. Красный террор стал еще более жестоким по сравнению с началом 1918-го. В 1919 году количество расстрелянных в Киеве большевиками, согласно различным оценкам, приводимым в книге известного историка С.П. Мельгунова «Красный террор в России», вышедшей в Берлине в 1923 году, составило от 3 до 12 тысяч человек.

Такой размах террора даже вызвал обеспокоенность вышестоящих инстанций. Из Москвы прибыла специальная комиссия, временно приостановившая расстрелы. Впрочем, они возобновились в июле – августе, когда положение красных в районе Киева ухудшилось. В мае – июле 1919 года вновь восстал атаман Григорьев, теперь уже против красных. К нему присоединились многие советские украинские части. Хотя восстание и было подавлено, но многие части и соединения украинской Красной Армии оказались разложены. Советские войска на Украине оказались небоеспособны в момент начала наступления армий Деникина и Петлюры. К последнему присоединилась часть григорьевцев во главе с бывшим начальником штаба Григорьева Юрием Иосифовичем Тютюнником.

Перед тем как в Киеве произошли восьмая и девятая смены власти в Киеве. В августе 1919 года на Киев с юго-запада наступали украинские части, а с востока и севера – войска Добровольческой армии. Первыми к Киеву со стороны р. Ирпень подошли петлюровцы. 30 августа они ворвались в киевские предместья, и войска 12-й армии красных вынуждены были оставить город. Вот что говорилось в телеграмме реввоенсовета 12-й армии председателю Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкому: «30 августа вынужден оставить город. Отправились оттуда, когда петлюровцы зашли в предместье Пост-Волынский и снаряды тяжелой артиллерии стали ложиться на окраины. Дальнейшее сопротивление было невозможным... Приняты меры к планомерному отходу... Оставленный Киев был запружен отходящими войсками. Все шли в порядке. К вечеру с парохода был виден большой пожар и рвущиеся снаряды петлюровцев».

В то же время деникинская Добровольческая армия немало способствовала отступлению большевиков из Киева, так как угрожала перерезать последнюю железнодорожную ветку Киев – Курск, по которой еще можно было уйти из города на север.

29 августа петлюровцы вышли к реке Ирпень и разбили на юго-западных подступах к Киеву одну из бригад 44-й стрелковой дивизии Николая Александровича Щорса, который на следующий день был убит. Утром 30 августа украинские войска под командованием генерала Антона Кравса, состоявшие из галицийцев и запорожцев, вошли в Киев и к вечеру заняли весь город. Одновременно на левом берегу деникинцы заняли Дарницу. На утро 31 августа был назначен парад, который должен был принимать головной атаман Петлюра. Однако парад пришлось отменить, поскольку уже днем в Киеве появились кавалерийские разъезды терских казаков, приданных 7-й пехотной дивизии генерала Николая Эмильевича Бредова, переправившиеся от Дарницы. Начались переговоры, на которых Кравс заявил, что Киев освободила Галицкая армия, которая, как и деникинцы, воюет против общего врага. Бредов ответил: «Киев – мать городов русских и украинским никогда не был и не будет!» Деникинцы, пользуясь своим численным перевесом, начали разоружать петлюровцев. К тому же Петлюра, наивно рассчитывавший достичь соглашения с Деникиным, запретил открывать огонь по белым. По соглашению, заключенному между Кравсом и Бредовым, город перешел под полный контроль белой армии, а петлюровские войска отошли обратно за реку Ирпень. Таким образом, в один день власть в Киеве сменилась дважды.

О. Василий Зеньковский, бывший министр вероисповеданий в правительстве Скоропадского, находившийся в тот момент в городе, вспоминал: «Петлюровские войска вошли в Киев с юга утром, т. е. часов на 3–5 раньше добровольческих отрядов. Они заняли центр города, стали продвигаться к Печерску; на городской думе появился украинский флаг. В первое соприкосновение с добровольческими отрядами петлюровцы вошли на Печерске. По моим сведениям, Петлюра во что бы то ни стало хотел удержать за собой Киев, но решил действовать осторожно и даже идти на разные соглашения с добровольцами – он хорошо сознавал, что большевики отошли от Киева только потому, что боялись быть отрезанными с севера. Петлюровские отряды, соприкоснувшиеся с добровольческими частями, согласно приказу, отошли назад, добровольческие части, естественно, более восторженно встреченные русским населением, чем петлюровцы, спустились на Крещатик, к городской думе и водрузили рядом с украинским флагом национальный русский флаг. Небольшое время оба флага висели рядом, знаменуя некое единение двух антибольшевистских сил. Но тут-то и произошло печальное событие срыва украинского флага; между отрядами, находившимися друг против друга, вспыхнула беспорядочная перестрелка, которая быстро стихла. Украинцы отступили на Лукьяновку (т. е. к югу, по направлению Киево-Ковельской железной дороги); дня два они еще были в Киеве, но из главной ставки Добров. армии пришел категорический приказ прервать переговоры с Петлюрой. Соглашения, которое так легко было достигнуть в это время (украинцы, дорожа тем, чтобы хотя бы «символически», но без власти, остаться в Киеве, пошли

бы на самые принципиальные уступки), достигнуто не было – так была совершена грубейшая трагическая ошибка. По существу, самое соглашение, которое неизбежно должно было покоиться на унижении украинцев (ибо оставить Киев в руках украинцев – чего они добивались, обещая в дальнейшем доброжелательный нейтралитет, – действительно было невозможно для «добровольцев» ввиду огромного стратегического значения Киева как крупного железнодорожного узла), но его нужно было бы добиться, чтобы иметь непосредственное соприкосновение с украинцами именно в Киеве. Для этого нужно было создать и максимально удерживать какую-нибудь «паритетную» комиссию, не владея вполне Киевом и не отдавая его всецело украинцам. Такое положение продолжилось бы не более нескольких месяцев – одна или другая сторона должна была бы уйти. А между тем за это время можно было бы добиться нового соглашения с Петлюрой, быть может заключить даже серьезный союз и даже, в случае укрепления в других частях фронта, отдать им Киев, самим укрепившись непосредственно за Киевом (Дарница). Но в ставке Деникина уже был провозглашен лозунг «Единой неделимой России» – лозунг верный, но демагогически направленный против украинцев – говорю демагогически, потому что не все украинские группы к тому времени стояли так решительно за «самостийность».

Вскоре, 6 ноября 1919 года Галицийская армия перешла на сторону белых, но в боях не участвовала, расположившись в районе Одессы. К тому времени до 90 % ее личного состава были больны тифом. Оправдывая этот поступок, ее командующий генерал Мирон Тарнавский утверждал, что именно петлюровцы виновны в том, что не удалось удержать Киев, поскольку целая дивизия из петлюровских войск тогда перешла к Деникину, а в Киеве «население было за добровольцев». Как справедливо пишет украинский публицист Александр Карпец: «Трагедия Украины была в том, что не нашлось своего Ленина, Пилсудского, Маннергейма», т. е. тех, кто мог бы построить жизнеспособное Украинское государство. Ни Грушевский, ни Винниченко, ни Петлюра, как показала история, на эту роль не годились. Беда была еще в том, что наиболее жизнеспособные украинские политические и военные структуры были созданы в Восточной Галиции, которая к середине 1919 года была полностью занята поляками. В Восточной же Украине царила анархия атаманов в сельской местности, а в крупных городах русскоязычное по преимуществу население прохладно относилось к идее независимости Украины.

Если русское население Киева приветствовало деникинских добровольцев, то украинское население, особенно «щирые украинцы» – сторонники «самостийной Украины», по свидетельству киевлянина В. Корсака, не менее радостно приветствовали вступление в город войск Петлюры.

Деникин и другие руководители Белого движения ни на йоту не желали отступать от лозунга «единой и неделимой России». В начале октября 1919 года между войсками УНР и ВСЮР вспыхнули бои, складывавшиеся неудачно для украинских войск. Петлюра был вынужден бросить против Деникина все свои части, действовавшие ранее против Красной Армии, и фактически открыл дорогу советской фастовской группе к Киеву. В результате в октябре советские войска предприняли наступление на город. Член Зафронтбюро КП(б) У.И. Гальперин, прибывший в Киев еще при деникинцах, описывает эти бои: «Первым вошел 1-й Богунский полк, который, невзирая на его обстрел, двигался вперед. Наутро выяснилось, что много белых сделало засаду на Крещатике и стреляли из окон, что и заставило поставить на каждой перекрестной дороге пулеметы. Вечером 16-го было приказано отступить всему обозу до Святошино, где и я с трудом под грохот наших орудий оставил город... 14.X. вошли наши войска, а 16-го отступили ввиду стрельбы из окон».

А вот описание тех же событий с другой стороны, в воспоминаниях директора киевского музея Г.К. Лукомского: «Снова подошли от Коростеня (забегая кругом) большевики и взяли 1-го

октября (14 октября по н. ст. – **Б.С.**) Киев. Бои были горячие. Дошли до Печерска советские войска. Бой в Мариинском саду решил участь коммунистов в невыгодную сторону. Два дня город был без власти, и ни Советов, и ни Добрармии... Грабежи и погромы не прекращались. Стоны и вопли доносились отовсюду. По ночам в дома на Кузнечном пер., на Васильевской являлись чеченцы и угрожали погромами. Все население дома собиралось во дворе и начинало выть; набат, крики. По ветру доносившиеся стоны пятитысячной толпы, казалось, при шуме тополей, уносили сотни убиваемых жизней. Первым уехал Драгомиров на чудесном Делонэ-Бэльвия. Попадания большевиков были очень метки. Все окна № 7 по Кузнечному, где он жил, и в д. № 9 по Терещенковской, где была штаб-квартира Командующего, – разбиты. Много убито было офицеров в боях 1–2 октября.

Похороны – мрачные, тревожные. Но отбросили на этот раз большевиков. Ненадолго, впрочем».

Так прошли десятая и одиннадцатая смены власти в Киеве 14–16 октября. Затем, в результате нового наступления красных, белые были окончательно изгнаны из города 14 декабря 1919 года, в период уже обозначившегося краха Вооруженных сил Юга России. Однако смена властей в городе на двенадцатой не завершилась. В апреле 1920 года началась советско-польская война, причем союзником поляков выступало правительство Петлюры. 7 мая польские и украинские войска заняли Киев, чему способствовал переход на их сторону двух бригад галицийской армии, ранее сражавшихся на стороне красных. В очерке «Киев-город» Булгаков описывает вступление на Украину польских войск и занятие ими Киева: «Самыми последними под занавес приехали зачем-то польские паны... с французскими дальнобойными пушками. Полтора месяца они гуляли по Киеву. Искушенные киевляне, посмотрев на толстые пушки и малиновые выпушки, уверенно сказали: «Большевики опять будут скоро». Все это называется «явление XIV»: в череде переворотов, воспринимавшейся Булгаковым как некое фарсовое театральное действие, первой картиной будет дореволюционная жизнь, а 14-й – появление поляков. При этом каждое явление заканчивается переворотом, первое – Февральской революцией, а последнее, четырнадцатое – окончательным, как тогда казалось Булгакову, приходом в город большевиков. Переворот же, происшедший в Киеве 7 мая 1920 года, был по общему счету тринадцатым. Но поляки и украинские части продержались в городе недолго. 12 июня после прорыва польского фронта 1-й Конной армией Буденного Киев опять заняли красные. Это был четырнадцатый и последний при жизни Булгакова переворот в Киеве.

Последствия этого переворота запечатлел киевлянин Н. Нерадов (скорее всего, это псевдоним) в статье, опубликованной в 1925 году в пражской «Воле России»: «Летом 1920 года поляки и украинцы спешно покинули Киев и на смену им явились большевики. Прежде чем войти в город, они бомбардировали его в течение 12 дней, произведя сильные разрушения, особенно на Печерске. Киевляне, измученные до крайности непрерывной сменой правительств, которых в Киеве побывало около двадцати двух, приняли большевиков на этот раз совершенно равнодушно, как-то безразлично. В предыдущие приходы большевики были не уверены в себе, действовали осторожно, нерешительно и хотя и производили постоянные обыски и грабежи, но гнет был более или менее выносим».

Насчет трех последних переворотов никаких сомнений быть не может: Михаил Булгаков в это время находился на Северном Кавказе и очевидцем киевских событий быть никак не мог. А вот о периоде августа-октября 1919 года свидетели в своих показаниях решительно расходятся. Т.Н. Лаппа утверждала, что Булгаков находился в Киеве безвыездно вплоть до занятия города белыми, а потом через некоторое время был мобилизован, вновь как военный врач, в Добровольческую армию и отправлен на Северный Кавказ: «И вот, как белые пришли в 1919-м, так Михаилу бумажка пришла, куда-то там явиться. Он пошел, и дали ему назначение на Кавказ... Кажется, в конце августа или начале сентября... И вот он уехал во Владикавказ... а

недели через две вызвал меня телеграммой, я оставила кое-какие вещи Вере (сестре Михаила Булгакова. – **Б.С.**) и уехала из Киева». В другом варианте воспоминаний Татьяна Николаевна была более лаконична: «Его мобилизовали. Дали френч, сапоги, шинель и отправили во Владикавказ. Я его провожала». По словам Татьяны Николаевны, поезд, где ехал Михаил, сделал длительную остановку в Ростове, и во время нее Булгаков успел проиграть в бильярд ее браслетку, которую обычно надевал «на счастье».

Однако воспоминания Т.Н. Лаппа вступают в противоречие со словами самого Булгакова, сказанными им П.С. Попову: «Жил в Киеве безвыездно с февраля 1918 года по август 1919 года». На допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 года он повторил, что оставался в городе до конца августа 1919 года. Писатель досконально изучил литературу о Гражданской войне и хорошо ориентировался в датах смены различных властей в Киеве, а благодаря этому мог достаточно точно определить и сроки своего пребывания в городе. Из булгаковских показаний следует, что в конце августа он покинул город. Сделать это он мог либо с украинской, либо с Красной Армией. Добровольцы же никак не смогли бы прислать ему повестку раньше 1 сентября.

Кроме того, если допустить, что в начале сентября 1919 года Булгаков уже отправился на Северный Кавказ, то он никак не мог быть свидетелем двукратной смены властей в Киеве 14–16 октября 1919 года. В этом случае Булгаков оказывается очевидцем лишь восьми из четырнадцати киевских переворотов, которые упомянуты в «Киев-городе». Мы только что перечислили все эти перевороты и выяснили, что их было ровно четырнадцать – писатель нисколько не ошибся. При этом Булгаков совершенно точно не мог быть в Киеве во время четырех переворотов: в конце октября – начале ноября 1917 года, 13 декабря 1919 года, 7 мая и 12 июня 1920 года. Он считал себя как бы очевидцем еще двух переворотов – Февральской революции и взятия города войсками Красной Гвардии 26 января 1918 года. Если же не учитывать два переворота, происшедшие 14–16 октября 1919 года, то получается, что Булгаков находился в городе только во время восьми, а не десяти переворотов, указанных им в «Киев-городе».

Всем условиям удовлетворяет только версия, что 30 августа 1919 года будущий писатель покинул город вместе с Красной Армией. В этот день в город с одной стороны входили петлюровцы, а с другой – деникинцы, так что Булгаков вполне мог считать себя очевидцем той двойной смены власти, которая произошла в Киеве 30–31 августа. Но для того чтобы уйти из Киева 30 августа, Булгакову надо было уходить из города вместе с советскими войсками. С ними же он должен был бы 14 октября вернуться в Киев, чтобы стать свидетелем еще двух смен власти.

С красными Булгаков мог уйти только по мобилизации. В автобиографическом рассказе «Необыкновенные приключения доктора», написанном всего три года спустя, факт мобилизации главного героя в 1919 году в Красную Армию зафиксирован отчетливо. Вот как об этом повествует Булгаков:

«15 февраля.

Сегодня пришел конный полк, занял весь квартал. Вечером ко мне на прием явился один из 2-го эскадрона (эмфизема). Играл в приемной, ожидая очереди, на большой итальянской гармонии. Великолепно играет этот эмфизематик («На сопках Маньчжурии»), но пациенты были страшно смущены, и выслушивать совершенно невозможно. Я принял его вне очереди. Моя квартира ему очень понравилась. Хочет переселиться ко мне со взводным. Спрашивает, есть ли у меня граммофон...

17 февраля

...Достал бумажки с 18 печатями о том, что меня нельзя уплотнить, и наклеил на парадной двери, на двери кабинета и в столовой.

21 февраля Меня уплотнили...

22 февраля

...И мобилизовали.

...марта

Конный полк

ушел воевать с каким-то атаманом...

Из пушек стреляли все утро...»

Хронология здесь наверняка искажена. Но в самом факте мобилизации Булгакова красными нет ничего невероятного. В военных врачах нуждались все враждующие стороны, а он вел частную практику, был известен в городе, возможно, даже давал соответствующее объявление с указанием адреса (ведь те же петлюровцы в феврале 1919 года знали его адрес и прислали повестку). Для того чтобы выжить, Булгаков должен был заниматься врачебной практикой и при большевиках. А вот когда на самом деле будущий писатель был мобилизован красными, нам поможет выяснить продолжение рассказа «Необыкновенные приключения доктора». После цитированных слов следует пропуск целой главы, а затем такие малопонятные на первый взгляд фразы: «6. Артиллерийская подготовка и сапоги. 7. Кончено. Меня увозят». После этого следует новый пропуск, и действие переносится на Северный Кавказ, где доктор в рядах деникинских войск в качестве начальника медицинской службы 3-го Терского конного полка принимает участие во взятии Чечен-аула, причем это событие в рассказе отнесено к сентябрю.

Писатель ДА Гиреев в свое время установил детальное совпадение данного Булгаковым в рассказе «Необыкновенные приключения доктора» описания боя за Чечен-аул и перечня участвовавших в нем частей Белой армии с результатами позднейших исторических исследований. Здесь булгаковский доктор N в качестве начальника медицинской службы 3-го Терского казачьего полка присутствует при взятии белыми Чечен-аула, где укрепились чеченцы – сторонники имама Узуна-Хаджи, которому тогда было уже сто лет, и красные партизаны. То, что сам Булгаков непосредственно участвовал в этом бою, доказывается точностью деталей боевых действий и перечнем частей, участвовавших в сражении. Деникинские газеты того времени свидетельствуют, что в сражении за Чечен-аул действительно участвовали все названные в булгаковском рассказе части: 1-й Кизляро-Гребенский и 3-й Терский казачий (этот последний в сентябре-октябре 1919 года, возможно, побывал и в Киеве) полки и 1-й Волжский гусарский полк, а также три батареи кубанской пехоты. Булгаков сознательно сдвинул хронологию событий, отнеся в рассказе бой за Чечен-аул к сентябрю, тогда как он разыгрался 28–29 (15–16 по ст. ст.) октября 1919 года. Таким образом писатель стремился сбить с толку тех, кто попытался бы связать текст рассказа с судьбой автора и инкриминировать ему службу в Белой армии.

Тогда деникинской армии пришлось бороться с восставшими горскими народами, опасавшимися восстановления империи и ликвидации фактически обретенной ими

независимости в случае победы белых. Они объединились в имамат во главе с Хаджи-Узуном, причем в союзе с ними действовали и отряды коммунистической ориентации. Но хронология событий в булгаковском рассказе искажена, причем вполне сознательно. В действительности 3-й Терский полк во взаимодействии с другими частями взял Чечен-аул не в сентябре, а в ходе боев 28–29 октября 1919 года. И Булгаков прекрасно помнил, когда именно это происходило. В дневниковой записи в ночь с 23 на 24 декабря 1924 года он записал: «...вспоминал... картину моей контузии под дубом и полковника, раненного в живот.

Бессмертье – тихий светлый брег...
Наш путь – к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег,
Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул и последнюю фразу сказал мне так:

– Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня же контузили через полчаса после него».

Кем, возможно, был этот неназванный полковник, мы расскажем далее. Пока что обратим внимание на то, что данная запись доказывает, что и спустя пять лет хронологию своего участия в Гражданской войне Булгаков помнил абсолютно точно. Шали-аул был взят позже Чечен-аула, 1 ноября, и поход далее, за этот аул, несомненно происходил в ноябре. И это же, кстати, доказывает, что Булгаков использовал новый стиль, а не старый стиль, сохранявшийся на территориях, контролируемых Вооруженными силами Юга России. Ведь по старому стилю упомянутые события должны были происходить не в ноябре, а в октябре. А эпизод с гибелью полковника в Чечне вошел в роман «Белая гвардия», где с умирающим полковником Най-Турсом беседует Николай Турбин (безымянный полковник явно был одним из прототипов храброго и благородного Най-Турса).

Раз искажена чеченская хронология (но только хронология) рассказа «Необыкновенные приключения доктора», можно предположить, что и в части, относящейся к мобилизации героя красными, и последующих загадочных событиях искажены не факты, а лишь хронология, чтобы запутать возможных недоброжелателей – тех, для кого равно предосудительными могли показаться как булгаковская служба у белых, так и некоторые обстоятельства, связанные с его кратковременной службой у красных. Попробуем разобраться, к какому реальному времени можно отнести события рассказа, связанные с пребыванием героя в Красной Армии. «Из пушек стреляли все утро» в Киеве 30 августа 1919 года, когда петлюровские части вступили в киевские предместья и стали обстреливать город из тяжелых орудий. То, что «конный полк ушел воевать с каким-то атаманом», тоже может быть отнесено именно к этому дню: ведь не только предводители банд или отрядов различной политической ориентации, вроде Зеленого или Ангела, именовались атаманами, но и сам СВ. Петлюра официально занимал, как мы помним, должность «головного атамана», т. е. главнокомандующего украинской армией и главы Украинского государства. Упомянутые же Ангел и Зеленый в тот момент как раз действовали в качестве союзников Петлюры в районе Киева, формально не входя в состав армии УНР.

Присутствующий далее в тексте «Необыкновенных приключений доктора» пропуск, вероятно, охватывает период сентября и первой половины октября, когда сам Булгаков, возможно,

находился среди отступивших из Киева красных, может быть, как раз врачом при какой-то конной части, о которой говорится в рассказе. Упоминаемая в «Необыкновенных приключениях доктора» артиллерийская подготовка – это, скорее всего, артиллерийская подготовка красных в ходе штурма Киева 14 октября, во время которой пострадал штаб генерала А.М. Драгомирова. Следующие слова: «Кончено. Меня увозят... Из пушек... и...», принимая во внимание дальнейшие события, как будто означают, что герой был насильно увезен белыми частями. Это совсем не говорит в пользу того, что Булгаков на самом деле был захвачен белыми в плен, хотя обозы красных, при которых должна была находиться медицинская служба, были введены в Киев, так что при поражении советских войск у Булгакова были все шансы попасть в плен. Однако версия о насильственном увозе автобиографического героя могла быть создана писателем в расчете на внимательных по своей должности читателей, чтобы подчеркнуть недобровольный характер его последующей службы у белых. В действительности Булгаков вполне мог сам перейти в деникинскую армию при штурме Киева красными.

Очевидно, что Булгакову приходилось в дальнейшем скрывать не только факт своей службы у белых (на это он вполне ясно намекал в «Необыкновенных приключениях доктора», да и службы у Скоропадского, упомянутой в «Белой гвардии» и других произведениях, в общем-то не скрывал), но и в еще большей мере требовалось скрывать свою предыдущую кратковременную службу в Красной Армии и последовавший за ним переход к белым. Если бы такой переход с определенностью обнаружился и был бы истолкован как добровольный, Булгакова могли признать активным идейным белогвардейцем с неизбежными в таком случае репрессиями. Таким же репрессиям он наверняка подвергся бы, обнаружь новая власть его публикации в деникинских газетах 1919–1920 годов. К счастью для Булгакова, подшивок кавказских газет того времени почти не сохранилось и крамольные статьи нашли не современники – чекисты или литераторы, а исследователи, много десятилетий спустя после смерти писателя.

Есть еще один интересный источник, данные которого, на наш взгляд, можно истолковать как косвенное подтверждение того, что Булгаков какое-то время служил у красных. Это роман его товарища по Владикавказу 1920–1921 годов и первым годам московской жизни, известного в то время, но основательно забытого ныне писателя Юрия Слезкина «Девушка с гор» (другое название «Столовая гора»). Вышедшая в Москве в 1925 году, книга сохранилась в булгаковском архиве с дарственной надписью автора: «Дарю любимому моему герою Михаилу Афанасьевичу Булгакову». Действительно, один из главных героев романа бывший врач, а потом сотрудник подотдела искусств Владикавказского ревкома Алексей Васильевич, пишущий роман (несомненно, будущую «Белую гвардию»), своим бесспорным прототипом имеет Булгакова. Его имя и отчество совпадают с именем и отчеством Алексея Васильевича Турбина – главного героя «Белой гвардии» и «Дней Турбиных».

Алексей Васильевич в «Девушке с гор» – совсем не симпатичный персонаж, напоминающий скорее не Турбина, а Василису. В 1922 году в специально посвященной Слезкину статье Булгаков в целом положительно оценивает его как писателя: «Ю. Слезкин пишет хорошим языком, правильным, чистым, почти академическим, щеголевато отделявая каждую фразу, гладко причесывая каждую страницу... Как уст румяных без улыбки... Румяные уста беллетриста Ю. Слезкина никогда не улыбаются. Внешность его безукоризненна... Без грамматической ошибки... Нигде не растреплется медовая гладкая речь, нигде он не бросит без отделки ни одной фразочки, нигде не допустит изъяна в синтаксической конструкции. Стиль в руке, пишет словно кропотливый живописец, мажет кисточкой каждую черточку гладко осиянного лица. Пишет до тех пор, пока все не закруглит и не пригладит. И выпустит лик таким, что ни к чему придраться нельзя. Необычайно гладко».

Возможно, Слезкин не заметил иронических ноток в булгаковских похвалах. Самому Булгакову такой «красивый» стиль был чужд. Позже, в 1936–1937 годах, когда два писателя давно уже отделились друг от друга, Булгаков, создавая «Театральный роман», сатирически изобразил Слезкина в образе писателя Ликоспастова, произведя фамилию персонажа от «иконописной» манеры письма прототипа. За рассказом Ликоспастова «Жилец по ордеру» угадывается слезкинская «Девушка с гор»: «В рассказе был описан... я! Брюки те же. Ну, я, одним словом! Но, клянусь всем, что было у меня дорогого в жизни, я описан несправедливо. Я вовсе не хитрый, не жадный, не лукавый, не карьерист и чепухи такой, как в том рассказе, никогда не произносил!»

Критика того времени хвалила «Девушку с гор» за изображение процесса распада в среде «внутренней эмиграции», а образ Алексея Васильевича был основным из числа выведенных Слезкиным «внутренних эмигрантов», то есть лиц, не принимавших советскую власть и коммунистов. По отношению к Булгакову слезкинский роман сильно смахивал на литературный донос. К тому же там прямо говорилось и о наркомании Алексея Васильевича. После публикации «Девушки с гор» дружба Булгакова со Слезкиным сошла на нет. Юрий Леонидович мучительно завидовал булгаковскому таланту и успеху у публики, а нежелание Булгакова подлаживаться под власть и принимать существующие правила игры служило как бы укором Слезкину который эти правила давно принял, и усиливало его неприязнь к автору «Белой гвардии». Но, помня о былой близости писателей, можно допустить, что некоторые эпизоды биографии Алексея Васильевича восходят к булгаковским рассказам. Вот один из них – встреча в поезде с чекистом, сотрудником Особого отдела: «...случайно разговорился в дороге с одним молодым человеком, особистом. Как врачу, ему интересно было знать, как ведут себя те, которых должны расстреливать, и что чувствуют те, кому приходится расстреливать. Конечно, доктор подошел к этому вопросу осторожно. Ему кое-что было не совсем ясно. Но особист отвечал с полной готовностью и искренностью. Лично ему пришлось расстреливать всего лишь пять человек. Заведомых бандитов и мерзавцев. Жалости он не чувствовал, но все же было неприятно. Стреляя, он жмурил глаза и потом всю ночь не мог заснуть.

Но однажды ему пришлось иметь дело с интеллигентным человеком, юношей шестнадцати лет. Это бывший кадет, деникинец, застрел в городе, когда пришли красные, и, скрываясь, записался в коммуну. Конечно, его разоблачили и приговорили к расстрелу. Это был заведомый, убежденный, активный контрреволюционер, ни о какой снисходительности не могло быть речи. Но вот, подите же, особист даже сконфузился, когда говорил об этом, – у него не хватило духу объявить приговор подсудимому».

Отметим, что встреча с особистом могла состояться только на территории, контролируемой красными. Булгаков, если это место действительно восходит к его рассказу, переезд по советской территории мог совершать только с конца 1917 года и до февраля 1918 года, когда он поселился в Киеве, где и пребывал безвыездно вплоть до августа 1919 года. Однако кадет, о котором идет речь в романе, назван деникинцем, а А.И. Деникин стал командующим Добровольческой армией в апреле 1918 года, после гибели Л.Г. Корнилова. Встреча Булгакова с особистом, таким образом, могла состояться как раз в период с конца августа до середины октября 1919 года, когда будущий писатель мог служить в Красной Армии.

Герой слезкинского романа сам пишет роман, который «он назвал бы «Дезертир», если бы только не эта глупая читательская манера всегда видеть в герое романа автора». Такое название становится понятным из следующей авторской характеристики Алексея Васильевича: «Но с того часа, как его выгнали из его собственной квартиры, дали в руки какой-то номерок и приказали явиться на место назначения, а потом перекидывали с одного фронта на другой, причем всех, кто его реквизирует, он должен был называть «своими», – с того часа он перестал

существовать, он умер». Из этого следует, что герой, видимо, как и его прототип, покинул ряды по крайней мере нескольких чуждых ему армий. Булгаков, как мы помним, дезертировал из армии Петлюры, но, вполне вероятно, что он также дезертировал и из Красной Армии. Белую же армию и Булгаков, и Алексей Васильевич покинули вынужденно и одинаково – заболев сыпным тифом и оставшись во Владикавказе, который после отхода белых был занят красными в марте 1920 года. Эта армия действительно была «своей», в ней служили многие булгаковские товарищи по гимназии и университету. Но немало было в ней штабной сволочи и приспособленцев, вроде Карума-Тальберга. Из-за них, да еще из-за отсутствия ясной и сколько-нибудь привлекательной для народа политической программы белые армии потерпели поражение в борьбе с большевиками.

Сам Булгаков гораздо позднее, в октябре 1936 года, заполняя анкету при поступлении в Большой театр, написал: «В 1919 году, проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город». Фактически это замаскированное признание того, что писатель был мобилизован не только армией Украинской Народной Республики, но также и красными, и белыми – именно эти власти сменяли друг друга в Киеве в 1919 году до отбытия Булгакова во Владикавказ.

Т.Н. Лаппа признавала, что русские интеллигенты в Киеве «боялись Петлюру», хотя одновременно «страшно боялись большевиков, тем паче». Однако у Булгакова в конкретных обстоятельствах августа 1919 года вряд ли был какой-то реальный выбор, если его мобилизовали красные. Перед отступлением красный террор в Киеве усилился. Только 16 августа в местных «Известиях» был опубликован список 127 расстрелянных. Отказ служить в Красной Армии мог кончиться для Булгакова столь же печально, как и для безымянного мальчика-кадета из романа Слезкина. Бежать же от большевиков, чтобы остаться в Киеве, для будущего писателя особого смысла не имело. Ведь в тот момент в город уже ворвались петлюровцы, а они точно так же могли расстрелять его за дезертирство, останься он дома. И не было известно, удастся ли добровольцам выбить из города петлюровцев.

Лаппа прямо утверждала, что «в августе прошел слух, что возвращается Петлюра. Конечно, Михаилу бы не поздоровилось, и вот мы пошли прятаться в лес. Вера с Варей, братья и еще немец один военный, который за Варькой ухаживал. Михаил опять браслетку у меня брал (браслетку Булгаков считал талисманом удачи. – Б.С). И вот мы там несколько дней прятались в сарае или домике каком-то. Немного вещей у нас было и продукты. Готовили – там во дворе печка была. Там так страшно было, если бы вы знали! Но Петлюра так и не появился, боя не было, и пришли белые. Тогда мы вернулись».

В этом рассказе есть бросающиеся в глаза противоречия. Во-первых, Татьяна Николаевна признала, что муж взял у нее браслетку, – а он делал это, когда покидал ее на время. Но тут же она сообщает, что они прятались с Михаилом вместе, хотя убежище их описывает крайне неопределенно – то ли сарай, то ли домик, да еще с печкой на улице (это в лесу-то!). Еще первая жена Булгакова утверждает, что Петлюра в городе так и не появился, тогда как в действительности армия УНР вступила в город раньше деникинских добровольцев. Она утверждала, что они с Булгаковым вернулись в Киев уже после прихода белых, но о встрече генерала Бредова, прибывшего в город в первый день вступления туда добровольческих частей, повествует явно как непосредственная очевидица событий: «Генерала Бредова встречали хлебом-солью, он на белом коне... торжественно все так было». Не могли же Булгаковы вернуться в Киев утром 31 августа, когда в город как раз входили петлюровцы. Все эти противоречия снимаются, если верна наша версия о том, что в конце августа 1919 года Булгаков

ушел из Киева, будучи мобилизован в Красную Армию, в то время как Татьяна Николаевна осталась в Киеве и наблюдала вступление туда войск генерала Н.Э. Бредова. Рассказ же Т.Н. Лаппа, на наш взгляд, призван был лишь скрыть службу Булгакова в Красной Армии. Да и странно прятаться в лесу, когда вокруг Киева много банд, оперирующих как раз в лесах.

А вот как излагает события, происходившие с семейством Булгаковых в Киеве после падения власти Скоропадского, Л.С. Карум в своих мемуарах «Рассказ без вранья»: «...Потом наступили грозные события: пал гетман, власть сначала захватили, а потом выпустили петлюровцы, пришла советская власть.

Работа венерического врача шла успешно. Только в последний месяц, когда в июле 1919 года большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то в «нетях» на даче под Киевом. Этим он избежал мобилизации. С появлением добровольцев он опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу. И булгаковская коммуна распалась. Миша хотел ехать со мной (Карум приехал в Киев, чтобы забрать из Киева жену и вместе с ней вернуться в Феодосию, где он преподавал в военном училище. – **Б.С.**)

Я пробыл в Киеве 5 дней. На шестой я отыскал вагон, куда мы погрузились с Варенькой, Мишей и Тасей. Вагон прицепили к поезду, который шел в Таганрог, и 30 августа 1919 года мы двинулись в путь».

Карум датирует здесь по старому стилю, по новому же это было 12 сентября. А 30 августа по новому стилю в Киеве еще были красные. То, что Карум был в Киеве именно в это время, доказывается письмом юнкера находившегося в тот момент в Феодосии Константиновского училища Иллариона Владимировича Мусина-Пушкина отцу от 4/17 сентября 1919 года: «Что касается нашего дальнейшего странствования, то Начальник училища попросил отсрочки, так как в Киеве сейчас ужасная дороговизна (речь шла о планировавшемся возвращении училища в Киев, которое, однако, так и не состоялось из-за последующих неудач на фронте и отступления деникинской армии. – **Б.С.**). Наш законовед (Л.С. Карум, преподававший в училище законоведение. – **Б.С.**), ездивший туда (кстати, с моим чемоданом, почему он обратился ко мне, не понимаю), говорит, что хлеб стоит 80 рублей фунт, при большевиках он стоил 140 рублей. Это в Киеве. Население встречало с восторгом, большевики творили там ужасные зверства. Настроение хорошее и спокойное, несмотря на то, что красные всего лишь в 25 верстах. Петлюровцев без труда отогнали на 70 верст. Здание училища не пострадало, весь инвентарь цел, потому что в здании помещалось военное училище красных. На днях едет для окончательного осмотра батальонный командир. Переедем же мы от 15 октября – 15 ноября».

Не вызывает сомнения, что в начале сентября 1919 года Л.С. Карум в Киеве действительно был. Но вот то, что он в этот приезд захватил с собой Булгакова и его жену, вызывает большие сомнения. Т.Н. Лаппа ни в одном варианте своих воспоминаний не говорит о том, что Булгаков уехал осенью 1919 года из Киева вместе с Карумом, да еще и вместе с ней самой. Вряд ли бы она упустила из вида столь существенное обстоятельство. Наоборот, Татьяна Николаевна все время подчеркивала, что сначала уехал Михаил, а она присоединилась к нему только некоторое время спустя – то ли через две недели, то ли через месяц. И совершенно непонятно, почему Булгаков, по утверждению Карума, решил вдруг ехать на Северный Кавказ, чтобы там поступить в Белую армию. Ведь с Кавказом его ничего не связывало, а при желании он вполне мог поступить к белым и в родном Киеве. Булгаков на советской службе никогда прежде не состоял, и препятствий к поступлению в Добровольческую армию у него как будто не было. И в качестве кого он бы поехал на Кавказ? Ведь как врач он подлежал мобилизации, а кавказский

театр в тот момент был далеко не главным для Вооруженных сил Юга России, которые рвались к Москве.

Здесь получается, что одни мемуары противоречат другим. Кому верить? Нам все-таки представляется, что что-то напутал Карум. Может быть, он не был заинтересован по каким-то причинам указывать, что в начале сентября (н. ст.) Булгакова не было в Киеве. А может быть, в действительности Леонид Сергеевич был тогда в Киеве дважды, один раз в сентябре, и второй раз – в октябре, причем во время или сразу после октябрьских боев. Ведь как раз в конце октября (н. ст.) намечался переезд Константиновского училища в Киев из Феодосии, и Леонида Сергеевича вполне могли еще раз послать в город квартирьером. Вероятно, после октябрьских боев, показавших всю непрочность положения белых в городе, вопрос о возвращении училища отпал. Вот тогда Карум и мог забрать из города жену, а заодно и Михаила с Тасей. Может быть, в дальнейшем Леонида Сергеевича подвела память, и он контаминировал две поездки в одну. Не исключено также, что по какой-то причине ему невыгодно было вспоминать о второй поездке. Если же Леонид Сергеевич прав в том, что из Киева Михаил уехал вместе с Тасей, то тогда последняя, говоря о том, что она воссоединилась с мужем во Владикавказе лишь примерно месяц спустя после его отъезда из Киева, в действительности имела в виду отход его из города вместе с красными. Служба Михаила Афанасьевича у красных была, очевидно, самым тщательно скрываемым секретом в булгаковском семействе. Не забудем, что все свои интервью Татьяна Николаевна давала еще в советское время.

Но необходимо отметить, что с мобилизованными советской властью офицерами, особенно с теми из них, которые раньше служили в Красной Армии или в советских учреждениях, деникинские добровольцы обращались не лучшим образом. Разведсводки Красной Армии так рисуют обстановку в Киеве: мобилизованные офицеры «принижены и даже не допускаются в офицерскую столовую. Доверия к мобилизованным офицерам нет, и за ними учрежден надзор добровольцев»; «офицеры, служившие при Советской власти, Деникиным лишаются всех чинов и отправляются в армию рядовыми». При мобилизации офицеры проходили длительную фильтрационную проверку в образованной контрразведкой судебно-следственной комиссии, и даже те из них, кто сочувствовал целям Добровольческой армии, далеко не сразу зачислялись в ее ряды; большинство офицеров, начавших проходить проверку сразу после вступления белых в Киев в начале сентября, так и не успели завершить ее до начала октябрьских боев. В этих боях некоторые из них приняли участие на стороне добровольцев, другие разошлись по домам или покинули Киев. Легче было положение в конных и пеших белых партизанских (летучих) отрядах, куда, по свидетельству офицера киевлянина В. Корсака, зачисляли без проверки. Начавшееся уже в тот период разложение, усиливавшееся всевластие контрразведки предвещали близкий конец Белого движения.

Несколько легче было положение в конных и пеших партизанских (летучих) отрядах, куда, по воспоминаниям современников, зачисляли без проверки. Если Булгаков перебежал в одну из боевых белых частей, особенно казачьих, где порядки были более вольными, его могли определить на должность военного врача при наличии вакансии сразу, не подвергая многодневной проверке. Кстати, разведорганы Красной Армии в сентябре недалеко от Киева зафиксировали Терский конный полк (но никак не 3-й, поскольку 3-й Терский полк был сформирован в составе местной Северо-Кавказской бригады и не покидал места своей дислокации), который в ходе октябрьских боев вполне мог быть переброшен в город. Если Булгаков сдался именно терским казакам, то его последующее перемещение на Северный Кавказ становится вполне объяснимым. Казаков логично было перебросить в родные места для подавления вспыхнувшего восстания горцев. Если бы Булгаков был просто в общем порядке мобилизован в Киеве, его скорее должны были направить на фронт в район Орел – Воронеж –

Кромы, где шли главные бои, было особо много раненых и ощущалась острая нехватка медперсонала.

Можно с большой долей уверенности предположить также, что в очерке «Киев-город» запечатлены подробности октябрьских боев в Киеве:

«Сказать, что «Печерска нет», это будет, пожалуй, преувеличением.

Печерск есть, но домов в Печерске на большинстве улиц нету. Стоят обглоданные руины, и в окнах кой-где переплетенная проволока, заржавевшая, спутанная. Если в сумерки пройти по пустынным и гулким широким улицам, охватят воспоминания. Как будто шевелятся тени, как будто шорох из земли. Кажется, мелькают в перебежке цепи, дробно стучат затворы... вот-вот вырастет из булыжной мостовой серая, расплывчатая фигура и ахнет сипло:

– Стой!

То мелькнет в беге цепь и тускло блеснут золотые погоны, то пропляшет в беззвучной рыси разведка, в жупанах, в шапках с малиновыми хвостами, то лейтенант в монокле, с негнущейся спиной, то вылощенный польский офицер, то с оглушающим бешеным матом пролетят, мотая колоколами-штанами, тени русских матросов» (несомненно, матросы Днепропетровской флотилии). Далее писатель переносится воспоминаниями в Мариинский парк – как и Печерск, место ожесточенных боев в октябре 1919 года: «Днем, в ярком солнце, в дивных парках над обрывами – великий покой. Начинают зеленеть кроны каштанов, одеваются липы. Сторожа жгут кучи прошлогодних листьев, тянет дымом в пустынных аллеях. Редкие фигуры бродят по Мариинскому парку, склоняясь, читают надписи на вылинявших лентах венков. Здесь зеленые боевые могилки. И щит, окаймленный иссохшей зеленью. На щите исковерканные трубки, осколки измерительных приборов, разломанный винт. Значит, упал в бою с высоты неизвестный летчик и лег в гроб в Мариинском парке».

Скорее всего, Булгаков появился в городе только в октябре, перейдя от красных к белым во время октябрьских боев и уже поступив в какую-то белую часть или отряд. Как раз в октябре Деникин вынужден был перебрасывать многие части с Украины и из Центральной России на Северный Кавказ для борьбы с активизировавшимся там партизанским движением. Туда могли отправить и булгаковскую часть. В этих условиях Михаил вполне мог обратиться к помощи Леонида Сергеевича, чтобы максимально комфортно отправиться вместе с женой к новому месту службы – ведь до Таганрога Булгаковым и Карумам можно было ехать вместе. Если, повторяю, Карум приезжал в Киев еще и в октябре.

В воспоминаниях Т.Н. Лаппа, связанных с обстоятельствами ухода будущего писателя в Белую армию, есть еще одна существенная неувязка. Татьяна Николаевна сообщала, что она присоединилась к мужу во Владикавказе через одну-две недели после его отъезда из Киева, а уехал Булгаков будто бы в начале сентября. В этом случае они должны были воссоединиться на новом месте в период между 15 и 20 сентября, а уже через несколько дней, по словам Т.Н. Лаппа, Михаила «направили в Грозный, в перевязочный отряд». Татьяна Николаевна оставалась в Грозном, а Булгаков периодически выезжал в свой отряд, к передовым позициям, а «потом наши попали там аулы, и все это быстро кончилось. Может, месяц мы были там».

Если принять, что в Грозный они прибыли в 20-х числах сентября, то уехать оттуда должны были соответственно в 20-х числах октября, причем к тому времени восстание горцев уже

подавили. Однако это противоречит утверждению самого писателя о том, что в ноябре он участвовал в походе за Шали-аул (сам этот аул, как мы помним, был взят 1 ноября). Кроме того, первый булгаковский фельетон «Грядущие перспективы» был опубликован в газете «Грозный» 13/26 ноября 1919 года, причем вырезка из газеты с частью этого фельетона сохранилась в булгаковском архиве, что предполагает присутствие Булгакова в Грозном по крайней мере до 26 ноября. Очевидно, они выехали из Грозного (через Беслан во Владикавказ, как вспоминает Татьяна Николаевна) в самом конце ноября или в начале декабря. Тогда, если верно сообщение Т.Н. Лаппа, что Булгаков с ней пробыл в Грозном около месяца, приехать в этот город они должны были в 20-х числах октября, незадолго до штурма Чечен-аула (напомним, он был взят 28–29 октября). Если же допустить, что во Владикавказ Татьяна Николаевна прибыла на одну-две недели позже Михаила Афанасьевича, то Булгаков должен был выехать из Киева в промежутке между 9 и 16 октября, но уж никак не в начале сентября. Не исключено также, что Михаил вызвал Тасю во Владикавказ даже раньше, чем через неделю после своего отъезда, а в Грозном они могли пробыть и меньше месяца. Булгаков мог выехать из Киева во Владикавказ сразу после киевских событий 14–16 октября.

В конце августа 1919 года Киев оставляли части советской 44-й стрелковой дивизии и Днепровской флотилии. Они же совместно с 45-й и 47-й стрелковыми дивизиями фастовской группы участвовали в октябрьском наступлении на город. Никаких данных о службе Булгакова в этих соединениях в архивах пока обнаружить не удалось. Так, в списках личного состава Днепровской военной флотилии за 1919 год нам удалось найти лишь одного Булгакова – Леонида Ивановича, рулевого сторожевого судна «Гордый», 1901 года рождения, уроженца г. Алешки Таврической губернии, холостого. Принимая во внимание краткость пребывания будущего писателя в составе Красной Армии (около полутора месяцев) и плохое состояние учета личного состава в советских войсках в то время, шансы найти такие данные очень невелики.

Поиски свидетельств пребывания Булгакова в Красной Армии на Киевском участке фронта в сентябре-октябре 1919 года, предпринятые по просьбе автора историком П.А. Аптекарем в Российском государственном военном архиве, не увенчались успехом. Надо учесть и то, что значительная часть документов была утрачена во время поражения красных в Киеве в середине октября, когда добровольцам удалось захватить часть обозов. И вообще, по свидетельству П.А. Аптекаря, списки личного состава за 1919 год сохранились далеко не полностью, так что отрицательный результат в данном случае не может являться доказательством того, что Михаил Булгаков в Красной Армии никогда не служил.

Еще меньше надежды найти документальные данные о пребывании Булгакова в Белой армии, лишь очень незначительная часть архивов которой сохранилась в эмиграции. Здесь остается принять во внимание то, что писатель сделал автобиографического героя рассказа «Необыкновенные приключения доктора» начальником медицинской службы 3-го Терского казачьего полка, и считать, что сам он какое-то время занимал ту же должность.

После возвращения из Грозного, вероятно, в начале декабря 1919 года, Булгаков поселился во Владикавказе, где работал в местном военном госпитале. Т.Н. Лаппа так рассказывала об этом: «Мы приехали, и Михаил стал работать в госпитале. Там персонала поубавилось, и поговаривали, что скоро придут красные... Это еще зима 1919-го была. Поселили нас очень плохо: недалеко от госпиталя в Слободке, холодная очень комната, рядом еще комната – большая армянская семья жила. Потом в школе какой-то поселили – громадное пустое здание деревянное, одноэтажное... В общем, неуютно было. Тут мы где-то познакомились с генералом Гавриловым и его женой Ларисой. Михаил, конечно, тут же стал за ней ухаживать. Новый год мы у них встречали, 1920-й. Много офицеров было, много очень пили... «кизлярское» там было,

водка или разведенный спирт, не помню я уже... И вот генерал куда-то уехал, и она предложила нам жить у них в доме. Дом, правда, не их был. Им сдавал его какой-то казачий генерал. Хороший очень дом, двор кругом был, и решеткой такой обнесен, которая закрывалась. Мне частенько через нее лазать приходилось. И стали мы жить там, в бельэтаже. Михаилу платили жалованье, а на базаре все можно было купить: муку, мясо, селедку... И еще он там в газету писал...»

Булгаков в то время действительно начал публиковаться в местных газетах. Обстоятельства своего литературного дебюта он изложил в автобиографии 1924 года: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который заташил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал». В другой автобиографии, написанной в 1937 году, Булгаков утверждал, что «в 1919 году окончательно бросил занятие медициной». П.С. Попов в первой булгаковской биографии сообщил: «По собственному свидетельству, Михаил Афанасьевич пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе». Думается, биограф здесь ошибается. Дело в том, что как раз 15 февраля 1920 года (ст. ст.) во Владикавказе вышел первый номер газеты «Кавказ», где в числе ее сотрудников значилось и имя М. Булгакова (наряду с Ю. Слезкиным, Е. Венским и др.). Вероятно, это событие и вызвало душевное волнение писателя – он был объявлен журналистом ведущей местной газеты. Противоречие же в собственных булгаковских показаниях о том, когда он оставил медицину – в 1919 или 1920 году, – можно примирить предположением, что это событие случилось по старому стилю в конце декабря 1919 года, а по новому – в начале января 1920-го.

Факт оставления Булгаковым службы в госпитале признает и Т.Н. Лаппа, хотя при этом прямо и не пишет, на какую новую службу он поступил. Она вспоминала: «Когда госпиталь расформировали – в первых месяцах 1920 года, заплатили жалованье – «ленточками». Такие деньги были – кремовое поле, голубая лента». Маловероятно, что в разгар боевых действий могли расформировать целый госпиталь, зато вполне правдоподобно, что после увольнения из госпиталя Булгаков под расчет получил все причитающееся жалованье («ленточки» – это денежные знаки, выпущенные ростовской конторой Госбанка и называвшиеся поэтому «донскими»; они, наряду с «царскими», или «никولاевскими», кредитными билетами, были самой устойчивой валютой на юге России в период Гражданской войны).

На наш взгляд, уход из госпиталя произошел в самом начале января 1920 года (н. ст.). Подтверждение этому можно усмотреть в булгаковском фельетоне «В кафэ», опубликованном в издававшейся во Владикавказе «Кавказской газете» 18(5) января 1920 года. Там нет никаких доказательств того, что автор фельетона – военный врач, зато прямо говорится, что он имеет врачебное свидетельство, освобождающее от военной службы по болезни. Такой вывод можно сделать из воображаемого диалога автора с румяным, хорошо одетым штатским молодым человеком «в разгаре призывного возраста»:

«Оказывается, этот цветущий, румяный молодой человек болен... Отчаянно, непоправимо, неизлечимо вдребезги болен! У него порок сердца, грыжа и самая ужасная неврастения. Только чуду можно приписать то обстоятельство, что он сидит в кофейной, поглощая пирожные, а не лежит на кладбище, в свою очередь поглощаемый червями.

И наконец, у него есть врачебное свидетельство!

– Это ничего, – вздохнувши, сказал бы я, – у меня у самого есть свидетельство, и даже не одно, а целых три. И тем не менее, как видите, мне приходится носить английскую шинель (которая, к слову сказать, совершенно не греет) и каждую минуту быть готовым к тому, чтоб оказаться в эшелоне или еще в какой-нибудь неожиданности военного характера. Плюньте на свидетельства! Не до них теперь! Вы сами только что так безотрадно рисовали положение дел...

Тут господин с жаром залепетал бы дальше и стал бы доказывать, что он, собственно, уже взят на учет и работает на оборону там-то и там-то.

– Стоит ли говорить об учете, – ответил бы я, – попасть на него трудно, а сняться с него и попасть на службу на фронт – один момент!»

При этом в воображаемой беседе Булгаков признавался: «Я не менее, а может быть, даже больше вас люблю спокойную мирную жизнь, инематографы, мягкие диваны и кофе по-варшавски!

Но, увы, я не могу ничем этим пользоваться всласть!»

Из сказанного в фельетоне можно предположить, что Булгаков был уволен с должности военного врача по болезни, а упоминаемые три свидетельства – это, скорее всего, удостоверение Вяземской земской управы от 22 февраля 1918 года, выданное при увольнении из местной больницы на основе свидетельства Московского уездного воинского революционного штаба по части запасной, удостоверение Сычевской земской управы от 18 сентября 1917 года о службе в сычевском земстве (удостоверения из Вязьмы и Сычевки сохранились в булгаковском архиве) и третье – удостоверение об увольнении из Владикавказского госпиталя, тоже, возможно, по болезни. Это удостоверение, вероятно, датированное началом января 1920 года (если оно, конечно, существовало в природе), Булгаков сохранить никак не мог – при красных оно подтверждало бы его службу у белых и могло указывать и на новое место службы – скорее всего Осваг (Осведомительное агентство). Осваг выполнял функции отдела печати при деникинском правительстве и призван был организовать пропагандистское обеспечение войск и населения, издавая газеты и журналы. Булгакова могли счесть идейным белогвардейцем и репрессировать, так что службу в Осваге надо было таить пуще службы в военном госпитале белых (последняя скорее могла обернуться не репрессиями, а новой мобилизацией в качестве военного врача).

Можно допустить, что в кафе, описанном в фельетоне, Булгаков сидел вскоре после 8 января 1920 года – дня взятия Ростова-на-Дону Красной Армией, так как именно этот факт фигурирует в разговорах как причина паники в белом тылу. К середине января военным врачом Булгаков уже не был.

Первые булгаковские литературные опыты говорят еще не столько о литературном таланте, сколько о политической прозорливости автора. Фельетоны «Грядущие перспективы» и «В кафэ» в полной мере дают представление о политических взглядах писателя. «Грядущие перспективы», напомним, появились 26 ноября 1919 года. А уже к 9 ноября стало известно, что Вооруженные силы Юга России проиграли генеральное сражение в районе Воронеж – Орел – Курск. Как мы помним, весть о том, что белые оставили Ростов, дошла до Владикавказа через десять дней. Следовательно, можно предположить, что и о провале наступления на Москву Булгаков мог знать по меньшей мере за неделю до публикации «Грядущих перспектив». Наверняка он уже тогда не строил иллюзий насчет возможности благоприятного для белых исхода Гражданской войны. В фельетоне подчеркивалось, что «наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», что «настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть».

Не видеть!» Основываясь на недавно просмотренных номерах английского иллюстрированного журнала, Булгаков в пример России ставил Запад:

«На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны.

Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся!

И всем, у кого, наконец, прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества». Какое же будущее видел в тот момент Булгаков для России, как оценивает ее перспективы в сравнении с Западом? Весьма мрачно:

«Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же наконец мы догоним их и догоним ли вообще?

Ибо мы наказаны.

Нам немыслимо сейчас созидать. Перед нами тяжкая задача – завоевать, отнять свою собственную землю».

Писатель утверждал: «Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца».

Булгаков провозглашал: «Расплата началась». Как и за что придется платить? На этот вопрос в «Грядущих перспективах» он отвечал так:

«Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова.

Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станков для печатания денег... за все!

И мы выплатим. И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы (речь здесь идет о Версальской мирной конференции. – **Б.С.**).

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк, и десятилетия она так же легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

– Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

В «Грядущих перспективах» Булгаков обозначил основные проблемы российского общества, к несчастью, оставшиеся актуальными и не разрешенными и сегодня. Фельетон выдает в писателе западника, не славянофила, ибо в Западе видит он для России образец развития. При этом содержание и тон написанного не оставляют сомнения, что Булгаков не верил в победу белых и сознавал, что власть коммунистов в стране установилась надолго, на несколько поколений, так что счастливая жизнь может быть лишь у внуков. Он разделял общую для большинства русской интеллигенции веру в светлое будущее, рождаемую мрачным настоящим.

А вот причины мрачного послереволюционного настоящего названы Булгаковым иногда совершенно верно, а иногда и явно ошибочно. Булгаков осуждал «безумство мартовских дней», считал падение монархии величайшим несчастьем, но к последнему самодержцу относился без большой симпатии.

В «Белой гвардии» Турбин произносит следующий примечательный монолог по поводу Николая II: «Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно. Никогда. Но все равно, мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия. Поэтому, если император мертв, да здравствует император! – Турбин крикнул и поднял стакан». И здесь же Булгаков спародировал слухи о том, будто император остался жив. Шервинский сообщает Турбиным: «...Вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана?... После того, как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и в зал вошел наш государь». В красивую сказку о чудесном спасении царской семьи может поверить разве что романтический и наивный Николка Турбин. Сам Шервинский, сообщающий о чудесном спасении, сам в это спасение, походе, не верит и, подобно гоголевскому Хлестакову, в данном случае врет не задумываясь, ради красного словца, чтобы произвести впечатление на присутствующих, и особенно на Елену Турбину, «Лену ясную», в которую влюблен. Алексей же Турбин и Мышлаевский в чудесное спасение императора и его семьи не верили, не сомневаясь, что они убиты большевиками.

Оптимизм некоторых, явно вымученных строк «Грядущих перспектив» читателей не обманул. Единственный известный пока отклик на «Грядущие перспективы» – статья П. Голодолинского «На развалинах социальной революции», опубликованная в той же газете «Грозный» 15/28 ноября 1919 года, явно принадлежит ревнителю поддержания «боевого духа» любой ценой. Он обвиняет Булгакова в пораженческих настроениях и, верно почувствовав, что тот стремится предупредить своих читателей о неизбежном торжестве большевиков в России на длительный срок, возражает ему: «...Никогда большевизму не суждено укрепиться в России, потому что это было бы равносильно гибели культуры и возвращению к временам первобытной эпохи. Наше преимущество в том, что ужасная болезнь – большевизм посетил нашу страну первой. Конец придет скоро и неожиданно. Гнев народа обрушится на тех, кто толкнул его на международную бойню. Не завоевыванием Москвы и не рядом выигранных сражений возьмет верх добровольческая армия, а лишь перевесом нравственных качеств». Однако Булгаков явно полагал, что одного перевеса нравственных качеств для победы недостаточно, да и, что еще важнее, не верил в наличие такого рода перевеса у добровольцев.

Можно согласиться с тем, что «безумное пользование станком для печатания денег» после Февральской революции, а также полная недееспособность Временного правительства были одними из главных причин торжества большевиков. Писатель разделял лозунг белых о «единой и неделимой России» и потому осуждал «самостийных изменников», вроде Петлюры и Винниченко. Однако именно отсутствие сколько-нибудь разумной национальной политики погубило Вооруженные силы и правительство Юга России, равно как и отсутствие удовлетворительного для массы крестьянства решения аграрного вопроса. Кстати, в фельетоне

Булгаков упоминает лишь «героев-добровольцев», не замечая двух других составляющих деникинской армии – казаков Дона и Кубани. Отказ Деникина от признания донской и кубанской автономий привел к резкому падению боеспособности казачьих частей и к началу катастрофы в ноябре 1919-го, в марте 1920 года завершившейся провальной новороссийской эвакуацией. Отказ белых от признания Украинской Народной Республики и Польши привел к тому что польские и украинские войска осенью 1919-го, в момент пика успехов Вооруженных сил Юга России, временно прекратили борьбу против Красной Армии, что позволило командованию красных снять с этих фронтов основные силы и бросить их на разгром Деникина. Тыл же деникинской армии сотрясали массовые крестьянские повстанческие движения. В районе Екатеринослава действовали отряды Махно (Т.Н. Лаппа вспоминала, что она ехала во Владикавказ через Екатеринослав и очень опасалась налета на поезд махновцев, но все обошлось).

Шансов на победу над большевиками не было, и Булгаков не мог тогда, в ноябре 1919-го, не сознавать этого. Недаром в отклике на фельетон Булгакова обвинили в пораженческих настроениях, несмотря на такие вот оптимистические пассажи: «Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все, все – и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жмется сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны.

И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла...

Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их.

Англичане, помня, как мы покрывали поля кровавой росой, били Германию, оттаскивая ее от Парижа, дадут нам в долг еще шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорее добраться до Москвы.

И мы доберемся.

Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены.

И война кончится».

Подобные строки в конце ноября 1919 года должны были восприниматься читателями как форменное издевательство. Разгромленные под Орлом «герои-добровольцы» вместе с разгромленными под Воронежем донцами Мамонтова и кубанцами Шкуро продолжали свой стремительный бег к морю, и думать забыв о походе на Москву. Булгаков, конечно же, просто уступал требованиям военной цензуры и редактора. В романе Юрия Слезкина «Девушка с гор» Алексей Васильевич вспоминает редактора деникинской газеты, «в английском френче», говорившего: «Мы должны пробуждать мужество в тяжелую минуту, говорить о доблести, о напряжении сил». Эти слова почти буквально совпадают с оптимистической частью «Грядущих перспектив», где еще утверждается, что «придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба». Все эти строки, точно отражающие

редакторскую установку, явно не соответствуют взглядам Булгакова и не умаляют общего безрадостного чувства от фельетона, возникающего у читателей, а фраза насчет того, что «жизни не будет, а будет смертная борьба», скорее относится не к фантастическим победным сражениям с красными, а к будущей жизни автора и всей русской интеллигенции под пятой большевиков (именно так, «Под пятой», озаглавил Булгаков свой дневник 20-х годов).

Писатель вполне мог повторить слова Алексея Васильевича, которому послужил прототипом, о том, что «не мог петь хвалебных гимнов Добрармии, стоя на подмостках, как его популярный коллега, громить большевиков. Он слишком много видел...».

Булгаков действительно слишком много видел: бессмысленную бойню, трагедию мирного населения, жестокость контрразведки, бестолковость штабов, отсутствие сколько-нибудь осмысленной политической программы у белых. Все это впоследствии отразилось на страницах «Белой гвардии» и других произведений. Вероятно, при переезде из Киева во Владикавказ он запомнил повешенного на фонаре в Бердянске рабочего «со щекой, вымазанной сажей», изображенного позднее в автобиографическом рассказе «Красная корона» (1922). Рабочего повесили «после того как нашли у него в сапоге скомканную бумажку с печатью». Автор ушел, «чтоб не видеть, как человека вешают». А в «Необыкновенных приключениях доктора» Булгаков как бы предупреждает об отмщении от имени себя, тогдашнего, участвовавшего в походах на Чечен-аул и Шали-аул: «Голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поделом – не жги аулов».

И даже на казенный, подцензурный оптимизм нет намека в фельетоне «В кафэ».

«И вам и мне ничего не остается, как принять участие так или иначе в войне, иначе нахлынет на нас красная туча, и вы сами понимаете, что будет...

Так говорил бы я, но увы, господина в лакированных ботинках я не убедил бы.

Он начал бы бормотать или наконец понял бы, что он не хочет... не может... не желает идти воевать...

– Ну-с, тогда ничего не поделаешь, – вздохнув, сказал бы я, – раз я не могу вас убедить, вам просто придется покориться обстоятельствам!

И, обратившись к окружающим меня быстрым исполнителям моих распоряжений (в моей мечте я, конечно, представил и их как необходимый элемент), я сказал бы, указывая на совершенно убитого господина:

– Проводите господина к воинскому начальнику! Покончив с господином в лакированных ботинках, я обратился бы к следующему...

Но, ах, оказалось бы, что я так увлекся разговором, что чуткие штатские, услышав только начало его, бесшумно, один за другим, покинули кафе.

Все до одного, все решительно!

Трио на эстраде после антракта начало «Танго». Я вышел из задумчивости. Фантазия кончилась.

Дверь в кафе все хлопала и хлопала.

Народу прибывало. Господин в лакированных ботинках постучал ложечкой и потребовал еще пирожных...

Я заплатил двадцать семь рублей и, пробравшись между занятыми столиками, вышел на улицу».

То, что журналист-автор тут в военной шинели, так же как и редактор газеты у Слезкина – «в английском френче», указывает на его принадлежность, по выражению одного из мемуаристов-сменовеховцев, Александра Дроздова, к «милитаризованному Освагу», а не к вольным корреспондентам газет, по выражению того же автора, не скованным кандалами «осважизма».

Дроздов, наблюдавший деятельность Освага в Ростове, оценивал ее так: «Осваг имел несчетное количество газет во всех уголках освобожденной от большевиков территории, в губернских городах, в тихих медвежьих городишках, задавленных сплином, неповоротливой и тяжеловесной уездной сплетней и тупым равнодушием ко всему белому и всему красному, на Черноморском побережье и на Кавказе. Во главе этих газет, где их хватало, стояли журналисты, где же не хватало журналистов, там стояли люди тех профессий, которые не учат послушанию декретов, исходящих из центра. Газеты велись в том направлении, которое можно обозначить словами: «ура, во что бы то ни стало и при каких бы то ни было обстоятельствах»... Первое время, время победоносного наступления добровольческих армий, можно было писать о том, что волнует, что тревожит, о том, что подсказывает вам ваша писательская совесть. Но когда Троцкий собрал крепкий коммунистический кулак и Буденный, переброшенный с Волги, прорвал фронт у Купянска, приват-доцент Ленский (заведующий информационной частью Освага в Ростове. – **Б.С.**) правильно почувствовал, что «ура», пожалуй, спадет на несколько тонов ниже, и потому ввел систему заказных статей. Я не хочу быть односторонним и потому должен сказать, что темы, вырабатываемые на совещаниях прив. – доц. Ленского, поручались для разработки тем, кто их хотел разрабатывать, чаще всего тем, кто их предлагал, и, таким образом, на этих совещаниях, к счастью, не пахло дурным запахом подвалов «Земщины», «Русского знамени» и других исторических газет из числа послушных.

Конечно, эта мера не привела ни к чему, и население не верило уже осважному «ура», громыхавшему в те дни, когда обывателю хотелось кричать «караул». Авторитет Освага дал глубокий и безнадежный крен, обыватель увидел, что король ходит нагишом и тело его безобразно, а в войсках об Осваге говорили не иначе как приплетая его имя к имени матушки. Поняла это и власть, и началась беспощадная чистка. Но печальная роль была сыграна, и сыграна с таким треском, который не забывается. Бюрократизм победил: интеллигенция капитулировала.

Что же все-таки было создано громоздким и многолюдным (по замечанию мемуариста, в Осведомительном агентстве присутствовал «обильный, так называемый уклоненческий элемент». – **Б.С.**) Освагом? Я говорю с чистым сердцем и с чистой душой: ничего, кроме вреда. Осважные плакаты казались жалкими рядом с великолепными плакатами большевиков, а ведь в художественной части работали такие имена, как И. Билибин и Е. Лансере. Из груды брошюр, писанных нарочито псевдонародным, т. е. бездарным и напыщенным языком, можно выделить лишь десяток брошюр Е. Чирикова, И. Наживина, И. Сургучева и кн. Е. Трубецкого. Вот этот-то десяток брошюр, написанных ярко, кровью души, эта горсточка нетенденциозной, искренней, правдивой агитации, агитации сердца, и есть одно и единственное светлое пятно на фоне синих обложек «дел за такими-то номерами», кип рапортов и отчетов, серой газетной тарабарщины, вялой и ненужной, годной лишь для того чтобы базарные торговки, переругиваясь с покупателем, завертывали в них молодую картошку. Агитация хороша, когда она дерзка и

напориста, она хороша, когда кажет юркую свою рожу из-за плеч оратора противника; нужно, чтобы за агитатором гонялись враги, подобно тому, как Лафайет гонялся за Жан-Поль Маратом под сводами заштатных францисканских монастырей. У большевиков за бронепоездом идет агитпоезд; у Деникина агитпоезд трухтел, жалобно и трусливо позванивая скрепами цепей, вслед за пассажирским».

Интеллигенция, оказавшаяся в лагере генерала Деникина, агитационную войну с большевиками проиграла. Среди проигравших был и Булгаков, но свою вину в поражении он тогда наверняка не ощущал. По словам того же Дроздова, «писала в газетах интеллигенция en masse (в большинстве своем. – *фр.*), адвокаты и врачи, студенты и офицеры, дамы скучающие и нескучающие, недоучившиеся юноши, слишком много учившиеся старцы, бездельники, зеваки и дельные, умные порядочные люди». Таким же журналистом военного времени стал и Михаил Булгаков, однако он, в отличие от большинства, обладал недюжинным литературным талантом. Конечно, в его решении уйти в журналистику было и стремление избавиться от опостылевшей уже службы военного врача. В романе Слезкина вернувшийся к большевикам редактор признается Алексею Васильевичу: «Я журналист, но в боевой обстановке». Думается, таким журналистом был и Булгаков, совершавший поездки на фронт и после ухода из госпиталя. Намек на это есть в фельетоне «В кафэ».

Трусом Булгаков не был никогда, об этом свидетельствует и его участие в бою под Чечен-аулом и в последующем походе, где он получил контузию. Не исключено, что эта контузия и послужила причиной (или поводом) для увольнения с военно-медицинской службы. А может быть, болезнью, вызвавшей освобождение, стала названная в фельетоне неврастения (ни грыжей, ни сердечной недостаточностью писатель, насколько известно, не страдал, а вот неврастения, и по его собственным признаниям, и по свидетельству близких, писателя в дальнейшем мучила).

Булгаков, конечно, не принадлежал к активным участникам Белого движения. Он совсем не горел желанием принять участие в братоубийственной войне, признаваясь, что его «нисколько не привлекает война и сопряженные с нею беспокойства и бедствия». В противном случае у него была возможность значительно раньше, задолго до осени 1919-го, вступить в ряды добровольцев Корнилова и Деникина. Когда Булгаков начал писать в осваговских газетах, белые уже потерпели сокрушающий удар от конницы Буденного. Его статьи были правдивы, а не урапатриотичны, хотя, конечно, приходилось Михаилу Афанасьевичу идти на уступки и цензуре, и осваговским редакторам.

Осваг контролировал бумагу и типографии, и независимое издание основать без его благословения было практически невозможно. Когда Александр Дроздов задумал выпускать самостоятельно еженедельную газету и многие сотрудники Освага поручились, что он не имеет касательства к большевикам, бумагу по нормированной цене он так и не получил, поскольку «сильные мира сего» сочли, что у журналиста слишком либеральная репутация. Конечно, столь жесткой идеологической цензуры, как у большевиков, у белых никогда не было, но несвобода прессы ощущалась достаточно сильно. Однако Булгаков, как показывают его первые кавказские фельетоны, писал только «о том, что волнует, что тревожит», о том, что подсказывает «писательская совесть». И этому правилу он стремился неуклонно следовать и в дальнейшем, уже при Советах. При этом Булгаков признавал за большевиками определенное пропагандистское превосходство над другими. Достаточно вспомнить искусного большевистского агитатора в «Белой гвардии», который буквально иллюстрирует дроздовский тезис о том, что «агитация хороша, когда она дерзка и напориста, она хороша, когда кажет юркую свою рожу из-за плеч оратора противника». В булгаковском романе оратор-большевик выдает себя за сторонника Петлюры, а его сообщники Шур и Шполянский, прикрывая его

исчезновение, подставляют полиции как карманника незадачливого украинского поэта со смешной фамилией Горболаз, который пытался задержать большевика.

Знакомство с деникинской армией сначала в пору успехов, а потом – в период разгрома, убедило Булгакова в изначальной обреченности Белого дела, которое неспособно было спасти геройство отдельных его участников. Ведь оно не могло заменить отсутствие четких и приемлемых для масс политических лозунгов. Разложение тыла и бесчинства контрразведки отвагой нельзя было остановить, заменить героизмом отсутствие позитивных программ в аграрном и национальном вопросе тоже не удалось.

Если предположить, что Булгаков служил в Осваге, то участие его в газете «Кавказ» становится понятным – он мог быть там штатным журналистом. Последние же выезды из Владикавказа по железной дороге, наверное, были связаны уже не с врачебной, а с журналистской деятельностью. Возможно, именно журналистика, которая тоже могла быть связана с фронтом, имеется в виду в фельетоне «В кафэ» в словах «принять участие так или иначе в войне». Здесь же Булгаков рассказывает и о своем опыте владения оружием: «Что касается винтовки, то это чистые пустяки! Уверю вас, что ничего нет легче на свете, чем вы учиться стрелять из винтовки. Говорю вам это на основании собственного опыта. Что же касается военной службы, то что ж поделаешь! Я тоже не служил, а вот приходится... Уверю вас, что меня несколько не привлекает война и сопряженные с нею беспокойства и бедствия».

Последнему булгаковскому признанию вполне можно верить. Ту же мысль он повторил в еще более определенном виде в «Необыкновенных приключениях доктора»: «Проклятие войнам отныне и вовеки!»

Думается, упоминание об обращении с винтовкой относится к тому времени в ноябре 1919-го, когда Булгаков в качестве военного врача принимал участие в карательных экспедициях против восставших чеченцев и даже, как мы помним, был контужен. Слова же «я тоже не служил, а вот приходится...» относятся, мы полагаем, уже к новой должности Булгакова. Ведь о службе военным врачом он так сказать не мог, поскольку ранее, в 1916 году, уже работал во фронтовых госпиталях. Но служба Булгакова в момент написания фельетона явно не была службой боевого офицера, зато была связана с постоянными железнодорожными разъездами как на фронт, так и по тыловым районам («каждую минуту быть готовым к тому, чтоб оказаться в эшелоне, или еще к какой-нибудь неожиданности военного характера» – может быть, спешной эвакуации из-за приближения красных?). В одной из таких поездок он подхватил тиф, что во многом предопределило дальнейшую судьбу писателя.

Что же касается призывов в воображаемом диалоге идти на фронт, обращенных автором и к самому себе, то они явно иллюзорны, ибо невозможно убедить тыловую кофейную публику идти на фронт ни угрозами, ни силой оружия, ни личным примером. Поэтому слова: «И вам и мне ничего не остается, как принять участие так или иначе в войне», – автор произносит лишь в фантастическом видении, которое быстро рассеивается под звуки танго. Будущий автор «Белой гвардии» уже давно понимал обреченность Белого дела.

По рассказам Т.Н. Лаппа, последняя поездка Булгакова из Владикавказа при белых была в Пятигорск. Во время этой поездки он заразился возвратным тифом: «Михаил съездил – на сутки. Вернулся: «Кажется, я заболел». Снял рубашку, вижу: насекомое. На другой день – головная боль, температура сорок. Приходил очень хороший местный врач, потом главный врач госпиталя (еще одно доказательство, что госпиталь не был расформирован. – **Б.С.**). Он сказал, что у Михаила возвратный тиф: «Если будем отступать – ему нельзя ехать». К тому времени, очевидно, уже произошло последнее крупное сражение зимне-весенней кампании 1920 года у

донской станицы Егорлыцкой (17–18 февраля), окончившееся полным поражением последних боеспособных частей Вооруженных сил Юга России. Кроме того, ряды белых косил тиф. Катастрофа стала очевидной всем.

В другой версии своего рассказа Татьяна Николаевна вспоминала: «А белые тут уже зашевелились, красных ждали. Я пошла к врачу, у которого Михаил служил, говорю, что он заболел. «Да что вы! Надо же сматываться!» Я говорю: «Не знаю как. У него температура высокая, страшная головная боль, он только стонет и всех проклинает. Я не знаю, что делать». Дал он мне адрес еще одного врача, владикавказского, тоже военный. Они его вместе посмотрели и сказали, что трогать и куда-то везти его нельзя. Тут приходят соседи, кабардинцы, приносят черкески: «Вот. Одевайтесь и давайте назад. Сегодня уходим». Я, конечно, никуда уйти не могу – Михаил лежит весь горячий, бредит, ерунду какую-то несет... Я безумно уставала. Как не знаю что. Все же надо было что-то делать – воду все время меняла, голову намачивала... лекарства врачи оставили, надо было давать... И вот, дня через два я выхожу – тут уж не до продуктов, в аптеку надо было – город меня поразил: пусто, никого. По улицам солома летает, обрывки какие-то, тряпки валяются, доски от ящиков... Как будто большой пустой дом, который бросили. Белые смылись тихо, никому ничего не сказали. По Военно-Грузинской дороге. Конечно, они глупо сделали – оставили склады с продовольствием. Ведь можно было как-то... в городе оставались люди, которые у них работали. В общем – никого нет. И две недели никого не было. Такая была анархия! Ингуши грабили город, где-то все время выстрелы... Я бегу, меня один за руку схватил. Ну, думаю, конец. Но ничего, обошлось. И вот Михаил лежал. Один раз у него глаза закатились, я думала – умер. Но потом прошел кризис, и он медленно-медленно стал выздоравливать. Это когда уже красные стали».

Сам Булгаков 1 февраля 1921 года писал двоюродному брату Константину: «Весной я заболел возвратным тифом, он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал».

То, что военный врач, начальник Булгакова по госпиталю, узнал о его болезни только после прихода Татьяны Николаевны – лишнее доказательство, что Михаил Афанасьевич в госпитале уже не служил. Данные Т.Н. Лаппа помогают ориентировочно определить время, когда Булгаков заболел. По ее словам выходит, что это случилось дней за пятнадцать до прихода красных. Красные же – партизанские отряды Н. Гикало и других командиров, появились во Владикавказе только 22 марта. Значит, Булгаков заболел тифом около 7 марта. Это подтверждается и публикацией в газете «Кавказ» 28 февраля его фамилии в числе авторов первого номера. Скорее всего уже после выхода этого номера Булгаков стал собираться в Пятигорск. Что дело не было связано с медициной, доказывается и тем, что первоначально, по свидетельству Т.Н. Лаппа, он хотел отправить в Пятигорск только ее (зачем, Татьяна Николаевна точно не помнила: то ли отвезти что-то, то ли привезти). Возможно, Булгаков намеревался найти в Пятигорске какой-то материал для газеты или, наоборот, пытался отослать туда какие-то свои материалы для публикации. Несколько дней жена не могла достать билет до Пятигорска, и тогда-то Михаил решил сделать это сам.

Реконструированная хронология пребывания Булгакова на Северном Кавказе при белых позволяет предположить, что количество его публикаций в местных газетах ненамного превышает число уже известных. Вероятно, П.С. Попов перепутал 13 и 19 ноября, и на самом деле первый фельетон под названием «Грядущие перспективы» был напечатан 13 ноября (ст. ст.) 1919 года в газете «Грозный». Новые работы писателя могли появиться в газетах лишь в январе 1920-го, после ухода Булгакова из госпиталя. К ним относится и фельетон «В кафэ» в «Кавказской газете». Еще один рассказ, «Дань восхищения», известный пока лишь во фрагментах, сохранившихся в булгаковском архиве, опубликован в одной из владикавказских газет в первую неделю февраля (ст. ст.) 1920 года.

Рассказ с подзаголовком «Дань восхищения» Булгаков опубликовал в начале февраля 1920 года в одной из кавказских газет. Как предполагают некоторые исследователи, рассказ, который, по воспоминаниям сестры писателя Надежды, назывался «Юнкер», появился 5/18 февраля 1920 года в «Кавказской газете» (Владикавказ). Три фрагмента рассказа, вырезанные из газеты, Булгаков приложил к письму, адресованному сестре Вере в Киев и датированному 26 апреля 1921 года: «...Посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком «Дань восхищения». Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут небезынтересны вам...» Газета с полным текстом рассказа до сих пор не найдена. Вот текст сохранившихся отрывков: «В тот же вечер мать рассказывает мне о том, что было без меня, рассказывает про сына: – Начались беспорядки... Коля ушел в училище три дня назад и нет ни слуху...»;...«Вижу вдруг – что-то застучало по стене в разных местах и полетела во все стороны штукатурка. – А Коля... Коленька... – Тут голос у матери становится вдруг нежным и теплым, потом дрожит, и она всхлипывает. Потом утирает глаза и продолжает: – А Коленька обнял меня и я чувствую, что он... он закрывает меня... собой закрывает». В своем комментарии Н.А. Булгакова следующим образом передала содержание рассказа: «Сцена обстрела у белой стены. Герои – мать и сын. Мать навещает сына в училище, и на обратном пути он провожает ее. Они попадают под обстрел, сын закрывает мать... Об этом они рассказывают вернувшемуся старшему брату». По воспоминаниям Надежды Афанасьевны, в рассказе уже звучала песня, напечатанная на страницах «Белой гвардии» и ставшая популярной после премьеры «Дней Турбиных»: «Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачницы, съемки у нас уж давно начались!» В рассказе описывались реальные события, происшедшие с В.М. и Н.А. Булгаковыми в конце октября 1917 года в Киеве во время боев между сторонниками Временного правительства, Центральной рады и большевиков. 10 ноября 1917 года Варвара Михайловна извещала о происшедшем дочь Надежду и ее мужа Андрея Земского, в то время находившихся в Царском Селе: «Что вы пережили немало треволнений, могу понять, т. к. и у нас здесь пришлось пережить немало. Хуже всего было положение бедного Николайчика как юнкера. Вынес он порядочно потрясений, а в ночь с 29-го на 30-е я с ним вместе: мы были буквально на волосок от смерти. С 25-го октября на Печерске начались военные приготовления, и он был отрезан от остального города. Пока действовал телефон в Инженерном училище, с Колей разговаривали по телефону; но потом прервали и телефонное сообщение... Мое беспокойство за Колю росло, я решила добраться до него и 29-го после обеда добралась. Туда мне удалось попасть; а оттуда, когда в 7 1/2 часов вечера мы с Колей сделали попытку (он был отпущен на 15 минут проводить меня) выйти в город мимо Константиновского училища – начался знаменитый обстрел этого училища. Мы только что миновали каменную стену перед Константиновским училищем, когда грянул первый выстрел. Мы бросились назад и укрылись за небольшой выступ стены; но когда начался перекрестный огонь по училищу и обратно, – мы очутились в сфере огня – пули шлепались о ту стену, где мы стояли. По счастью, среди случайной публики (человек 6), пытавшейся здесь укрыться, был офицер: он скомандовал нам лечь на землю, как можно ближе к стене. Мы пережили ужасный час: трещали пулеметы и ружейные выстрелы, пули «цокались» о стену, а потом присоединилось уханье снарядов... Но, видно, наш смертный час еще не пришел, и мы с Колей остались живые (одну женщину убило), но мы никогда не забудем этой ночи... В короткий промежуток между выстрелами мы успели (по команде того же офицера) перебежать обратно до Инженерного училища. Здесь уже были потушены огни; вспыхивал только прожектор; юнкера строились в боевой порядок; раздавалась команда офицеров: Коля стал в ряды, и я его больше не видела... Я сидела на стуле в приемной, знала, что я должна буду там просидеть всю ночь, о возвращении домой в эту страшную ночь нечего было и думать, нас было человек восемь такой публики, застигнутой в Инженерном училище началом боевых действий. Когда я пришла в себя после пережитого треволнения, когда успокоилось ужасное сердцебиение (как мое сердце только вынесло перебежку по открытому месту к Инженерному училищу) – уже снова начали свистать пули, – Коля обхватил меня обеими руками, защищая от пуль и помогая бежать... Бедный мальчик, как он волновался за меня, а я за него...

Минуты казались часами, я представляла себе, что делается дома, где меня ждут, боялась, что Ванечка кинется меня искать и попадет под обстрел... И мое пассивное состояние превратилось для меня в пытку... Понемногу публика выползла из приемной в коридор, а потом к наружной двери... Здесь в это время стояли два офицера и юнкер артиллерийского училища, тоже застигнутые в дороге, и вот один из офицеров предложил желающим провести их через саперное поле к бойням на Демиевке этот район был вне обстрела... В числе пожелавших пуститься в этот путь оказались 6 мужчин и две дамы (из них одна я). И мы пошли... Но какое это было жуткое и фантастическое путешествие среди полной темноты, среди тумана, по каким-то оврагам и буеракам, по непролазной липкой грязи, гуськом друг за другом при полном молчании, у мужчин в руках револьверы. Около Инженерного училища нас остановили патрули (офицер взял пропуск), и около самого оврага, в который мы должны были спускаться, вырисовывалась в темноте фигура Николайчика с винтовкой... Он узнал меня, схватил за плечи и шептал в самое ухо: «Вернись, не делай безумия. Куда ты идешь? Тебя убьют!», но я молча его перекрестила, крепко поцеловала, офицер схватил меня за руку, и мы стали спускаться в овраг... Одним словом, в час ночи я была дома (благодетель офицер проводил меня до самого дома). Воображаете, как меня ждали? Я так устала и физически и морально, что опустилась на первый стул и разрыдалась. Но я была дома, могла раздеться и лечь в постель, а бедный Николайчик, не спавший уже две ночи, вынес еще два ужасных дня и ночи. И я была рада, что была с ним в ту ужасную ночь... Теперь все кончено... Инженерное училище пострадало меньше других: четверо ранено, один сошел с ума».

В «Белой гвардии» Николка Турбин, напевая «Съемки», вспоминает бой у Инженерного училища в октябре 1917 года: «Гитара идет маршем, со струн сыплет рота, инженеры идут – ать, ать! Николкины глаза вспоминают:

Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.

Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами. Па-а-зор...»

Последующие материалы, если они были, не могли выйти позднее первой недели марта из-за болезни автора и отступления Белой армии с Кавказа. Может быть, кому-то еще посчастливится найти неизвестные номера кавказских газет того времени, а в них – новые булгаковские тексты.

Булгаков, очнувшись от тифозного забытья, увидел, что очутился в другом мире, воспринимаемом как безусловно враждебный. По воспоминаниям Татьяны Николаевны, он не раз укорял жену: «Ты – слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но его упреки были несправедливы. Вспомним, что говорили врачи: «Что же вы хотите – довести его до Казбека и похоронить?» Кстати, местный врач, в отличие от начальника госпиталя, с белыми не ушел, и, по свидетельству Татьяны Николаевны, именно он помог выходить Михаила Афанасьевича. Как знать, если бы не усилия этих людей, включая безымянного доктора, русская и мировая литература могла бы лишиться великого писателя. А не заболел Михаил Афанасьевич тифом перед уходом белых из Владикавказа, у него было бы очень мало шансов осуществить свое писательское предназначение. Булгаков мог умереть в дороге от болезни, погибнуть в бою, оказаться в плену и быть расстрелянным красными как офицер (кто бы стал разбираться, что он военный чиновник все равно же в погонах!). Наконец, если бы Булгакову даже посчастливилось благополучно перейти грузинскую границу или добраться до черноморских портов и эвакуироваться в Крым, а потом, уже с Врангелем, в Турцию, неизвестно, стал ли бы он в эмиграции великим писателем.

